

Цскорка

Растут на Неве капитаны

(Текст к фотографиям читайте на 59-й странице)

Окончание на 3-й странице обложки

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания IX

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

№ 6

Июнь 1965 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К

газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Лев Куклин

Бриг «Мечта»

Он встал на мёртвых якорях
У моста Шмидта,
И буквы золотом горят,
И грудь открыта.

В размахе рей над головой —
Сажень косая,
И пахнет плотной морской
водой

И парусами...

Нам с детства снится этот бриг,
На диво спшитый,
Пронзающий страницы книг
Косым бушпритом.

Я часто вижу — там стоит,
Чуть-чуть не в струнку,
Принявши равнодушный вид,
Курносый юнга.

Он понимает: неспроста
Здесь, у причала,
Его заветная мечта
На якорь встала.

Она отчалит от земли
Туманным летом.
И в море выйдут корабли
За нею следом.

Отлично защитив диплом,
Умелый штурман
Уйдёт туда, где нетепло, —
К ветрам и штормам.

И чаек неумолчный крик,
Над мачтой взвитый,
Ему напомнит этот бриг
У моста Шмидта,

И ленинградские черты,
Любимый берег,
Где в исполнение мечты
Все юнги верят!

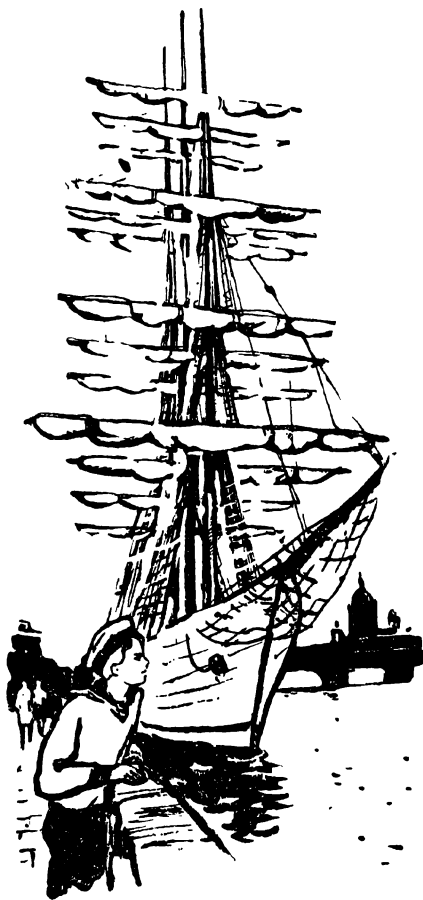

Рис. В. Адаева

ПЕРЛАМУТРОВАЯ

РАКОВИНА

РАССКАЗ

КЕШКА-ПОБЕДИТЕЛЬ

Кешка проснулся и резко сел в кровати. Сердце торопливо и гулко бухало на всю комнату. Он сидел, оглушённый его ударами, и не понимал, что случилось.

Было темно. В черноте комнаты выпукло выделялся тёмно-синий квадрат окна. В верхнем углу его, как жёлтый шмель, шевелилась мохнатая звёздочка.

Потом сердце притихло, застало, и Кешка услышал мягкое усыпляющее тиканье

ходиков. Он повернул голову туда, где они висели, и ясно представил себе голубой круглый циферблат с нарисованной кошачьей мордой. Глаза у кошки хитрющие, шмыгают вслед за маятником, кажется, вот-вот подмигнут.

Кешка улыбнулся и совсем успокоился. Он снова лёг на подушку и провёл рукой по лицу.

Лицо было мокрое. Кешка удивлённо отдернул руку... И вдруг всё вспомнил.

Вспомнил, то, что снилось

ему уже вторую ночь подряд: высокую сквозную вышку, море далеко внизу, раскалённые, пахнущие солью доски площадки и весь этот знойный томительный день. День его, Кешкиного, позора и унижения.

Дом спал. Мирно тикали ходики. И весь город тоже спал, и вся земля. А Кешка был совсем один. И ничего нельзя было вернуть, нельзя было исправить.

Кешка забился к стене, сжался калачиком, стараясь занимать как можно меньше места, и уже наяву заплакал яростными и бессильными слезами.

Кешка приехал в этот южный город из Сибири. Семь дней он просидел, влипнув носом в стекло, — всё глядел, глядел и не мог наглядеться. За окном медленно вращалась земля — огромная, разная и удивительная. На седьмой день поезд, изогнувшись, как зелёная гусеница, запетлял между гор. Горы были крутые, и в окошке виднелись только унылые серые стенки, сложенные из косых плиток.

А потом настал час, когда поезд вдруг скользнул в один из бесчисленных дымных тоннелей, лихо свистнул и выпрыгнул в такой ослепительный мир, что Кешка зажмурился. А когда открыл глаза, в лицо ему выплеснулось что-то синее, живое, бесконечное. Это было море.

— Смотрите же! Скорее! — закричал Кешка, но все пассажиры и так уже облепили окна, причмокивали языками и

говорили всякие красивые слова.

Море чуть заметно шевелилось, будто дышало, вспыхивало мгновенными иголками бликов и обдавало таким спокойствием, такой силой, что Кешка сразу почувствовал: здесь ему будет хорошо.

В новом городе дома были белые. Всюду росли невиданные деревья, а по улицам ходили необыкновенные люди — красивые, весёлые.

Поселились они в маленьком домике у самого моря. Толстая, ласковая хозяйка хлопотала и так радовалась, будто Кешка и его мама самые её близкие люди.

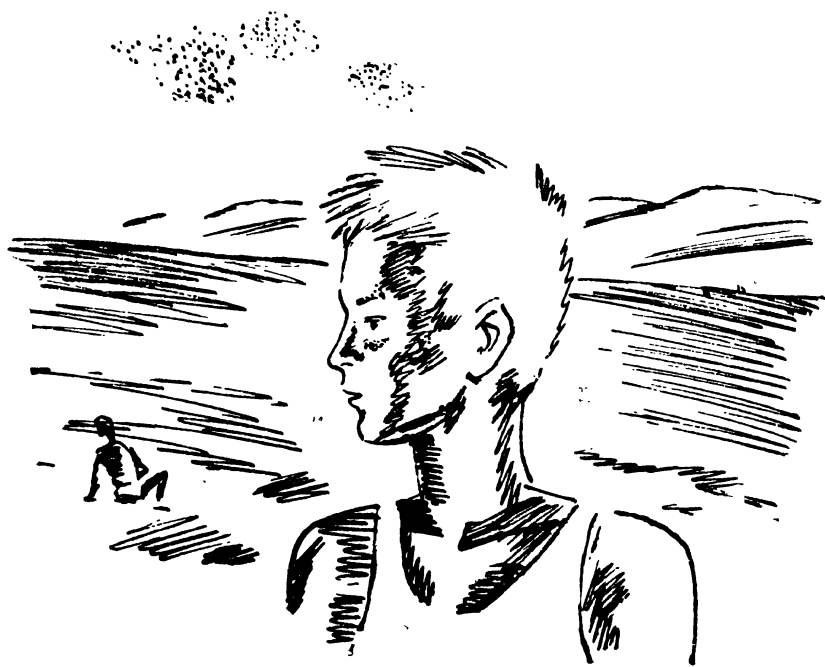
— Ох, же ж ты мой беленький, худышечка ты моя! И что ж ты такой бледненький, что ж?! — говорила она и гладила Кешку по голове пухлой ладонью. — И какой же ты заморышек! Ну, ничего, тётя Люба тебя откормит, тётя Люба с тебя человека сделает.

Мама немножко смущалась. А Кешка даже на «заморыша» не обиделся. Ему здесь всё нравилось: и улица, и дом, и хозяйка.

В день приезда возились допоздна — переставляли мебель по маминому вкусу, разбирали вещи, мыли полы. Кешке не терпелось поскорее удрать из дому, сбегать к морю. Но так и не удалось: мама без него бы не справилась.

Легли поздно, и Кешка сразу же уснул как убитый.

Утром, ещё не совсем проснувшись, он почувствовал, как солнечный луч тёплым пальцем уперся ему в подбородок.

родок и медленно пополз вверх. Кешка ждал. Луч шевельнулся, пощекотал губы и остановился на переносице.

Мамы не было. На столе стоял стакан молока, рядом лежали две ватрушки. Кешка наскоро перекусил и выскочил на улицу.

Он стоял на тротуаре и раздумывал. Это было замечательно: куда ни пойдешь — везде интересно, всё незнакомое.

Кешка поднял голову и обомлел — прямо перед ним торчала узкая, как башня, гора. Вся она была будто в кудрявой тёмно-зелёной шерсти, а белая верхушка игольчато вспыхивала на солнце, горела и переливалась.

— Эй, ты, белобрысый, а ну-ка, иди сюда, — сказал кто-то.

Кешка обернулся и увидел толстого загорелого мальчиш-

ку с громадным лоснящимся носом. «Эк, носище-то какой!» — изумился про себя Кешка и подошёл, улыбаясь.

— Чего зубы скалишь? — крикнул мальчишка и сделал неуловимое, но явно враждебное движение. Он оглядел Кешку с ног до головы прищуренными глазами и сказал:

— Ты тётки Любы квартирант? Квар-ти-рант, — повторил он с таким выражением, что Кешка понял: быть квартирантом очень стыдно.

Кешка перестал улыбаться и стоял, выжидая. Носатый хищно пригнулся и пошёл на него. Кешка попятился.

— Ага, удираешь, белобрысый! Боишься! — радостно завопил носатый. — Сейчас ты у меня схлопочешь, от меня не удерёшь! Не таких лупили!

— Ну? — тихо спросил кто-то.

Из соседней калитки вышел мальчишка в майке и синих трикотажных штанах. У него был облупившийся короткий нос, выгоревшие до рыжины волосы и серые глаза.

— Кого же это ты лупил, Таракан? — спокойно спросил он.

Носатый сразу как-то сник и заискивающе заулыбался:

— Да это я так, Санька. Тут у тётки Любы квартирант объявился. Я к нему подошёл, а он испугался.

— Тебя?

— Ага, меня, — закивал носатый. — Такой пугливый квартирант.

Санька равнодушно оглядел Кешку, пожал плечами и неторопливо пошёл по улице.

Кешка хотел побежать за ним, догнать, объяснить, что всё это враки, ничего он не испугался, просто попятился от неожиданности. Чтобы Санька не думал ничего такого, Кешка не трус. Он у себя дома, в Сибири, однажды три дня проплутал в тайге, заблудился. И совсем не боялся. Ну, может быть, самую малость.

Но Кешка ничего этого не сделал. Ему было неловко. Он стоял и глядел, как медленно удаляется крепкая, решительная Санькина спина.

Потом Санька завернул за угол, а носатый мелкими шажками подошёл к Кешке и очень больно треснул его по шее. И сразу убежал. Кешка и опомниться не успел.

С этого дня у Кешки началась унылая жизнь. Всё получалось как-то не так, нехорошо. Помимо Кешкиной воли происходили разные неприятные события. Кешка делал глупости одну за другой и не мог остановиться. Будто кто-то посторонний, злобредный и вздорный, двигал Кешкиными руками, ногами и языком.

Ему казалось, что носатый Таракан раззвонил всем мальчишкам о том, как он треснул его, Кешку, и не получил сдачи.

Кешка свирепел от этих мыслей. Он рыскал по улице, худой, узкий, весь какой-то заострившийся, и искал сомнительных приключений. «Я им покажу «струсил», — бормотал он, — они узнают!»

...Вот пятеро мальчишек играют в «чижа». Подходит Кешка. Насторожённо осматривает компанию. Мальчишки переглядываются. Один что-то говорит, смеются. «Надо мной», — решает Кешка и стискивает зубы. Лицо у него напряжённое, как сжатый кулачок. Он неторопливо подходит, берёт прямо из-под биты «чижа» и забрасывает его на крышу.

От такого невероятного нахальства мальчишки цепенеют, вытаращиваются на Кешку и бесшумно шевелят губами. Соображают.

Кешка длинно сплёвывает и усмехается.

Тогда начинается драка. То есть дракой это назвать нельзя. Какая же это драка, если пятеро лупят одного? Но Кешка не удирает. Он вертится,

отпрыгивает и умудряется каждому влепить хоть разочек...

Потом кто-нибудь из взрослых разгонял мальчишек, и Кешка гордо шёл домой.

Когда мама глядела на Кешку, глаза у неё становились большими и печальными. И дрожали губы.

Тётя Люба мазала йодом ссадины, прикладывала примочки и кричала на весь дом:

— У, босяки! Шпана приморская! Ну, погодите, я за вас примуся! Вы же ж не знаете, что я с вами сделаю! Вы же ж будете рыдать от страшной боли! — Живот у неё колыхался, и она потрясала громадным пухлым кулаком.

Кешка всюду искал своего главного врага — Таракана. Но тот как сквозь землю провалился. Кешка успел передраться со всеми мальчишками улицы.

Его дразнили, но побаивались, и Кешка чувствовал это.

Когда он появлялся на улице, мальчишки сразу собирались кучкой.

— Псих белобрысый! Псих белобрысый! — кричали они.

Кешка неторопливо подходил и затевал драку. Или не затевал. Это зависело только от него. Первый нападал он. И Кешка гордился этим.

Он бродил один по берегу. Купался, валялся на раскалённых камнях. Над морем дрожало знойное марево. Вдали качались косые дымы пароходов.

Только здесь, у моря, он успокаивался и снова стано-

вился прежним Кешкой — весёлым и добрым.

Он завидовал мальчишкам, которые сооружали плот, возились с парусом, сшитым из двух простыней.

Ему хотелось подойти к ним и быть таким же, как все: орать команды, воображать себя капитаном, поднимать парус на кривой мачте.

Но когда он подходил, мальчишки настораживались, ошетикивались и начиналась драка.

Однажды, когда Кешке пришлось особенно туго, он разорвал куском ржавой железки парус, и разъярённые мальчишки навалились на него, сбили с ног и нещадно колотили. Появился Санька.

Он расшвырял мальчишек, поднял дрожащего от ярости Кешку и сказал:

— Тебя Кешкой зовут? Я слышал, ты со всеми дерёшься. Зачем? Тебя кто-то обидел?

Кешка глядел на своего спасителя, на человека, за чью дружбу он бы не задумываясь отдал всё, что угодно, всхлипывал, размазывал кровь из носа и тяжело дышал.

А отдышавшись, сказал совсем не то, что хотел:

— Чего пристал? — крикнул он. — Иди своей дорогой, рыжий, а то и тебе дам.

Мальчишки ахнули. Никто никогда не осмеливался так разговаривать с Санькой.

Они ждали, что всемогущий и отчаянный владыка улицы сейчас сотрёт в порошок нахала. Этого неизвестно откуда взявшегося в их городе худу-

щего, битого-перебитого мальчишку.

Но Санька ничего не сделал. Глаза его потемнели. Он постоял минуту, раздумывая, потом повернулся и ушёл, коротко бросив на ходу:

— Это ты зря.

Кешка, понурясь, брёл домой и проклинал себя, ругал последними словами. Ему хотелось реветь в голос.

Грудь его распирали любовь и признательность к Саньке. Кешка был противен сам себе.

И вдруг он увидел носатого толстого Таракана. Из-за него всё началось. Из-за него у Кешки не было ни одного друга, а одни только враги.

Борька Тараканцев, по прозвищу Таракан, ничего не подозревая, преспокойно шёл по другой стороне улицы. Он только что приехал из Батуми, Он там у тётки гостил. Целую неделю.

Борька давным-давно уже позабыл и свою встречу с Кешкой, и то, как дал ему по шее. Он шёл, помахивая прутиком, и насвистывал. У него было прекрасное настроение. И вдруг он увидел идущего навстречу мальчишку с распухшим носом и синяком под глазом.

Мальчишка шёл какой-то странной походкой. Будто подкрадывался.

Борька почувствовал недоброе и остановился: где он видел этого мальчишку? А когда вспомнил, улыбнулся и закричал:

— А, белобрысый, вот ты где! Давно я тебя не видел, квартирант.

Кешка молча подходил, наклонив голову и не отрываясь глядя на Таракана.

Борька забеспокоился. Он ещё ничего не понимал. Он ни капельки не боялся — слишком уж щуплым по сравнению с ним был этот мальчишка.

Но, видно, было что-то такое в Кешкином взгляде, отчего большой, толстый Борька Таракан затоптался на месте, оглянулся и забормотал:

— Ты чего? Чего ты?

Кешка подошёл и молча треснул Таракана по шее — раз! раз!

Борька по-заячьи пискнул, присел и вдруг с рёвом побежал назад. Он бежал, втянув голову в плечи, и верещал:

— Ой-ё-ёй!

Из-за дома вышел Санька. Он стоял, сунув руки в карманы, и хохотал. Это действительно было смешно — маленький, взъерошенный Кешка и улепётывающий здоровенный, толстый Борька, ревуший, как девчонка.

Санька постоял ещё немного, потом покачал головой и ушёл.

А счастливый и гордый Кешка, Кешка-победитель, пошёл домой, навстречу ласковым рукам тёти Любы, навстречу примочкам и причитаниям.

ВЫШКА

Жара плыла над пляжем. На голышах невозможно было лежать.

Люди выскакивали из тёплого рассола моря, ложились на гальку и тут же подсакивали, как рыбы на сковородке,

От солнца спасения не было. Вода не освежала.

Только в глубине, где в висках начинало щёлкать и болели уши, только там, в далёком полумраке, было прохладно.

Кешка выбирался из воды, пошатываясь от усталости. Он плюхался на камни, несколько секунд корчился, как на раскалённых углях, потом голыши чуть остывали, и он блаженно вытягивался, расслаблялся, закрывал глаза.

Тело мгновенно высыхало, покрывалось сероватым налётом соли. Вокруг гомонил пляж.

Прямо перед Кешкой в море уходил узкий пирс.

Стальные сваи были покрыты грубыми дубовыми досками. Щелястыми и горячими.

На конце пирса возвышалась лёгкая семиметровая вышка.

Отвесная лесенка вела на небольшую квадратную площадку, огороженную металлическими перилами.

Над морем покачивалась узкая доска трамплина.

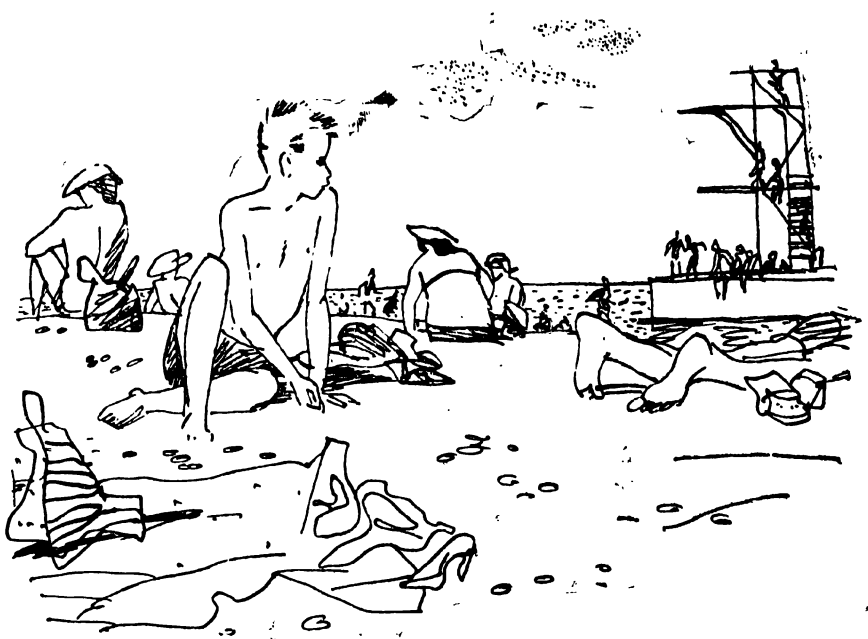
Неожиданно сквозь ровный пляжный гул прорвались мальчишечьи голоса.

Рядом с Кешкой захрустела под чьими-то ногами галька.

Кешка открыл глаза и увидел Саньку в окружении пяти мальчишек. Среди них был Таракан.

Не вставая, Кешка наблюдал, как они прошли по пирсу, взобрались на вышку.

Мальчишки потоптались на площадке, потом Санька легко

прошёл на самый конец прогибающегося трамплина и стал раскачиваться.

Он подпрыгивал всё выше, выше, выше! Кешка привстал на локтях и следил за ним, сдерживая дыхание.

Потом лёгкая, ладная Санькина фигурка взметнулась в воздух, сложилась в упругий комочек, крутнулась два раза и без всплеска вонзилась в море. Перед самой водой Санька разогнулся и, как гвоздь, вошёл в воду.

На пляже захлопали в ладоши. Кешка выдохнул воздух и огляделся. Оказывается, не только он следил за Санькой.

— Какой смелый мальчик! — сказала высокая загорелая женщина своему соседу — заросшему густой шерстью толстяку.

Из воды показалась Санькина голова. Он что-то крик-

нул и махнул рукой. Мальчишки посыпались с вышки.

Даже Таракан потоптался немного у края площадки, нелепо присел и раскорякой полетел вниз.

Кешка встал.

«Надо прыгнуть, — подумал он. — Пойду».

Он ни разу ещё не прыгал с вышки, но мальчишки делали это так легко, что Кешка ничуть в себе не сомневался.

«Прыгну. Пойду, как Санька, на трамплин, раскачаюсь и прыгну. Пусть видят, какой я человек», — думал он, шагая по пирсу.

Санька и мальчишки были уже наверху.

Кешка медленно поднимался по крутым ржавым ступенькам. Когда он появился на площадке, все замолкли. Кешка сделал два неуверенных шага и остановился. Пе-

ред ним стоял Санька и улыбался. Хорошо улыбался.

— Здравствуй, — сказал Санька. — Прыгнуть хочешь?

— Хочу.

— Ну, давай. Ты прыгал когда-нибудь?

— Нет.

Санька перестал улыбаться. А Таракан захихикал и крикнул:

— Ну-ка, поглядим, как сейчас белобрысый убьётся.

— Замолчи! — приказал ему Санька и повернулся к Кешке.

— Высоковато для первого раза. Может быть, попробуешь сначала с трёх метров?

Кешка упрямо мотнул головой и подошёл к краю площадки.

Он заглянул вниз и в ужасе отпрянул, а руки сами судорожно вцепились в перила.

Кешка не думал, что это так страшно. Море шевелилось далеко внизу, неприветливое и враждебное.

Рядом захохотал Таракан. Он просто корчился от смеха, захлёбывался, повизгивал.

И Кешка оторвал руки от перил. Ему казалось, что никакая сила на свете не заставит его больше подойти к краю площадки. Но он подошёл. Он не глядел вниз. Кешка подошёл на негнущихся ногах, сжал челюсти так, что зубы затрещали...

Он прыгнул бы! В мыслях он уже сделал это, назад пути не было. Но в самый последний миг Кешка глянул вниз. Ноги его сами подогнулись, и он сел на площадку.

Это был такой позор, такой ужас, что Кешка готов был

умереть. Это было бы лучше всего — умереть сейчас и не видеть себя со стороны, перепуганного, жалкого, вцепившегося мёртвой хваткой в доски площадки.

Сначала Кешка ничего не слышал. Он оглох от стыда. Ему казалось, что весь пляж, весь город, все люди на земле смотрят на него и смеются. Или ещё хуже — жалеют.

Он ненавидел себя, презирал, но ничего не мог с собой поделать. Руки сами цеплялись за горячие, пахнущие солью доски, а ноги отказывались поднять его.

Потом, будто издалека, пробился противный смех Таракана, гул пляжа и плеск моря.

— Пошли! — крикнул Санька.

И мальчишки почти разом прыгнули.

Кешка поднялся, осторожно, ощупью спустился по лесенке и, пошатываясь, медленно пошёл по пирсу.

Он шёл все быстрее, быстрее, потом побежал. Одна только мысль билась в мозгу: убежать, спрятаться, забиться куда-нибудь, где никого нет.

В МОРЕ

Мягко тикали ходики. Ночь за окном поглубела. В комнате высунулись из темноты вещи. Кешка поглядел на мамину кровать. Мама спала очень тихо — не шевельнётся, не кашляет.

Уже два дня он не выходил на улицу. Сидел дома, уставившись в одну точку, и молчал.

Кешка слышал, как мама говорила тёте Любе:

— Придётся, видно, уезжать отсюда. Что-то с Кешкой неладное творится. Теперь вот на улицу не хочет идти. Боится, что ли? Работа у меня здесь интересная, но, наверное, придётся уехать. Жаль.

Кешке хотелось крикнуть:

«Да! Уедем скорее! Мне здесь невозможно больше жить!»

Но он ничего не крикнул, потому что тогда пришлось бы всё рассказать. Врать бы Кешка не стал. Но даже маме нельзя было рассказать о том, что с ним произошло. Никак невозможно.

Уснул Кешка только к утру, а когда проснулся, солнце стояло высоко и в комнате было душно.

Он вскочил с кровати, прыгал по прохладному крашеному полу. Настроение непонятно отчего было прекрасное. Вдруг. Прекрасное — и всё тут. Хотелось немедленно сделать что-то такое, чтоб все ахнули, чтоб историю с вышкой сразу забыли.

И вдруг его озарило. Конечно же! Как он раньше не подумал об этом? Рифы! Надо сплавить к рифам и достать знаменитую перламутровую раковину!

Все мальчишки, когда разговор заходил о рифах, сразу серьёзnelи и говорили тихими таинственными голосами.

Лёжа на пляже рядом с какой-нибудь компанией, Кешка наслушался столько разных историй о рифах, узнал столько жутких подробностей, что

сейчас, вспомнив о них, почувствовал, как по спине забежали мурашки.

Говорили, что из всех мальчишек один Санька отважился подплыть к рифам, но и тот раковины достать не смог.

Он никому не рассказывал, что там видел, и это ещё больше распяляло воображение мальчишек.

Говорили, что там живёт здоровенный осьминог — попробуй только сунься, утащит, и охнуть не успеешь.

Рифы скрыты под водой в метре от поверхности. Над ними плавают яркие красные буйки, чтобы какое-нибудь судно не напоролось. Среди буйков стоит мигалка — маленький проблесковый маячок. Он подмигивает днём и ночью.

К рифам строго-настрого запрещено подплывать. На лодке и думать нечего. Запросто могут лодку отобрать.

Добраться туда можно только вплавь. Это около полукилометра от берега, может быть, и не заметят с пристани. Буйки качаются, среди буйков голова. Пойди разберись издали, где боек, а где голова.

Кешка ожил от этих мыслей, от неожиданно появившегося выхода.

Он стал готовиться.

Самое главное — достать хороший нож. Вдруг там и вправду осьминог? Да уж наверняка вправду — не зря все мальчишки так говорят. Без ножа нельзя.

С ножом-то что! Обхватит тебя осьминог, а ты его — чик! и отрезал щупальце. Он тебя

другим, а ты и другое — чик! Как капитан Немо.

Нож Кешка утащил у мужа тёти Любы Лазаря Ефимыча. Отличный длинный охотничий нож в кожаных ножнах.

Кешка подпоясал трусики, на пояс повесил нож и мешочек, в который он когда-то клал галоши в школе. Мешочек нужен был для перламутровой раковины, потому что без неё Кешка не собирался возвращаться.

Мама была на работе, тётя Люба на базаре. Кешке никто не мешал.

Он обернул вокруг пояса махровое полотенце, прикрыл свое снаряжение и вышел.

Кешка был спокоен. Теперь перед ним была цель.

Конечно, это страшно — самому лезть к осьминогу в лапы! Но Кешка знал, что скорее утонет, чем повернёт назад.

Жаль только, что его никто не увидит. Но когда он добудет перламутровую раковину!..

Кешка подошёл к воде и огляделся. Он очень нравился самому себе, суровый, строгий, с кинжалом на поясе. Он шёл на трудное дело и мог не вернуться назад.

Среди загоравших Кешка заметил Таракана. Таракан хихикнул было, но Кешка так на него посмотрел, что тот заёрзал на месте и отвернулся.

Кешка медленно вошёл в воду. В последний миг он быстро оглянулся на Таракана и с удовольствием заметил, что тот с изумлением, не отры-

ваясь, смотрит на нож. Даже привстал немного.

Кешка глубоко вздохнул и нырнул в солёную податливую волну.

Плыл он неторопливо, экономил силы. Впереди были рифы, неизвестность, опасности. Нельзя было уставать раньше времени.

Буйки появились неожиданно. Закивали красными головами перед самым Кешкиным носом. Мигалка вблизи оказалась очень большой, высокой, как настоящий маяк.

Кешка медленно обогнул её, вглядываясь в воду. Под ним были рифы. Желтоватые, обросшие скользкими водорослями.

Кешка решил и встал. Вода была ему по грудь. Он изо всех сил сжимал рукоятку ножа, готовый мгновенно выхватить его из ножен, если появится опасность.

Но осьминог не показывался. Выжидал, видно.

Кешка снял мешочек, положил его на основание мигалки, привязал.

Пора было нырять. Кешка напрягся всем телом, стараясь унять дрожь. Его колотило так, что зубы стучали.

«Замёрз, наверное», — решил он и тут же подумал, что это ерунда, — вода была, как парное молоко, в такой не замёрзнешь. Он всё-таки здорово устал, хотя и старался не торопиться.

Кешка осторожно пошёл по рифам. Скалы были изрезаны трещинками, провалами. Некоторые были так велики, что приходилось переплывать их.

Осьминога всё ещё не было.

Кешка вынул нож, поглядел на высокое, выцветшее небо, на солнце и нырнул.

То, что он увидел, было так необычно, так красиво, что Кешка застыл на месте.

В густую бездонную синь уходили отвесные скалы, сплошь обросшие двустворчатыми раковинами — мидиями. Редкие длинные стебли водорослей мягко извивались. Между раковинами шмыгали разноцветные рыбёшки.

Но самое главное — ощущение страшной, головокружительной глубины. Казалось, дна нет, а рифы покачиваются и вот-вот всплывут.

Кешка поплыл вдоль стены, обшаривая её руками. От потревоженных мидий поднималась розоватая муть, завихрялась воронками, как пыль под ветром.

Перламутровых раковин не было. Кешка вынырнул, отдышался. Снова нырнул. И снова. И снова.

Нож давно уже был спрятан в ножны. Никаких осьминогов не было. Если они здесь и живут, то это трусоватые осьминоги, наверное, увидели, что человек вооружён, и испугались.

Кешка очень устал. Плечи ломило, икры покалывало, они будто окаменели. Он всё меньше времени мог пробыть под водой.

А раковина всё не попадалась. Это было ужасно. Всё рушилось.

Кешка прошёл на другой конец скал, высмотрел широкую расщелину и нырнул.

Он опустился вдоль стены и вдруг прямо перед собой увидел тоннель длиной два-три метра с круглым правильной формы сводом. В конце тоннеля голубело отверстие — выход.

«Пройду по нему и вынырну через ту дырку», — подумал Кешка и втиснулся в тоннель.

Тоннель был узкий — не больше метра шириной. Кешка медленно двигался, ошупывая стены.

В тоннеле был полумрак. Вдруг рука его наткнулась на два больших нароста. Кешка вплотную приблизил к ним лицо и увидел две громадные спиральные раковины, сидящие на стене вплотную друг к другу.

Кешка чуть не захлебнулся от радости. Они! Кешка вцепился в них, легко оторвал и ринулся к выходу.

Но... голова не пролезала сквозь отверстие. Это было так страшно и неожиданно, что Кешка бессмысленно тыкался головой в узкую неровную щель, терял зря драгоценные секунды. Ведь издали она казалась большой!

Наконец он опомнился. Дыхания не хватало.

Кешка почувствовал, как леденеет его голова. Мысли были чёткие и стремительные. Задом не выбраться. Слишком долго. Он захлебнётся. Развернуться в этой ловушке невозможно. Что же делать?!

Воздух был на исходе. Кешка начал уже судорожно сглатывать — первый признак, что сейчас же, немедленно нужно вздохнуть. Иначе вода ворвёт-

ся в лёгкие, сомнёт их, задушит его, навсегда оставит здесь, в этой дыре.

В последний миг, ничего уже не соображая, выпуская ненужный, бесполезный воздух, Кешка сложился в немыслимый тугой комок, крутнулся, обдирая спину и плечи о шершавые стенки, оттолкнулся ногами и выскочил на поверхность.

Он задышался. Ноги дрожали. Перед глазами качалась красная пелена.

Кешка добрался до мигалки, привалился к ней саднящим плечом. Из носа шла кровь. Частые капли шлёпались в воду, расплывались там красными облачками.

Кешка поднёс руку к носу, хотел утереться и увидел перламутровую раковину. Рука цепко держала её. Раковина была и в другой руке.

На розовой изогнутой поверхности белели круглые наросты. Нежный перламутровый зев закрывала коричневая перепонка, похожая на кусок кожи.

«Не бросил! — счастливо подумал Кешка и закрыл глаза. — Не бросил!»

Двигаясь, как во сне, он положил раковины в мешочек, повесил его на пояс. Промыл горько-солёной водой нос.

Стоять было невозможно, ноги тряслись и подгибались. Кешка оттолкнулся от скал и поплыл. Спину и плечи нестерпимо щипало. Кешка, как автомат, размеренно загребал руками, отталкивался ногами. Он плыл брассом. Ему казалось, что он быстро и плавно

движется вперёд, но когда он оглянулся, то увидел, что буйки совсем рядом. Он еле-еле двигался.

Мешочек наполнился водой и тянул вниз. Солнце сильно пекло затылок. Раз! — руки загребают тяжёлую воду. Два! — ноги вяло, как ватные, слабо толкают тело вперёд. Раз, два! Раз, два! Волна плеснула в лицо. Кешка хлебнул воды, закашлялся.

«Утону», — равнодушно подумал он.

Он барахтался на месте, в полукилометре от берега, и не было сил поднять голову, оглядеться, позвать на помощь.

Весло плеснуло у самого лица. Лодка описала плавный полукруг и подошла вплотную к Кешке.

Проворные руки подхватили его под мышки и втащили в лодку.

Кешка как мешок бессильно свалился на дно и лежал там, тяжело дыша и вздрагивая.

— Кто тебя так, Кешка?! — прошептал испуганный голос, и чей-то палец дотронулся до ссадины на плече.

Кешка поднял голову и увидел Саньку. Лицо у Саньки было перепуганное. Он часто моргал, и было удивительно видеть это решительное остро-скулое лицо растерянным и испуганным.

— На рифах я был. Ободрался в какой-то дыре. Чуть не утонул, — сказал Кешка.

— Что ж ты, балда чёртова, полез туда один? — зло крикнул Санька. — Если бы

Таракан мне не сказал, ты бы утонул как миленький.

— Я за перламутровой раковиной плавал, — тихо ответил Кешка.

— Нет там никаких раковин. Я знаю.

— Есть. Там очень красивые раковины, Санька, — сказал Кешка.

Он достал из мешка раковину, протянул её Саньке.

Санька ошалело смотрел на неё. Вертел в руках, поглаживал...

— Ох, ты, — выдохнул он, — значит, есть всё-таки! Ведь

есть, а? — Он поднял изумлённые глаза на Кешку и засмеялся.

— Есть, — Кешка кивнул. — Хочешь, возьми себе.

— Мне?! И тебе не жалко? Кешка, тебе совсем не жалко?

— Не жалко, — ответил Кешка, — у меня ещё одна есть.

Он хотел добавить, что, если бы у него не было второй, ему бы и тогда не было жалко, но он промолчал и счастливо засмеялся.

А Санька внимательно поглядел на него и взялся за вёсла.

Молодые капитаны

Музыка Б. КРАВЧЕНКО

Слова В. СУСЛОВА

Подвижно

Баян

1. Вьётся чай-ка

за кор-мо-ю, у-ле-та-ет в не-бе-са! Мы се-го-дня

Припев:

над Не-во-ю под-нимаем паруса! Нас мо-ре зовёт,

мо-ре зовёт, манят нас дальние страны. И ветер поёт, бал-

тийский поёт: «Сме-ло впе-рёд, м ка-пи-та-ны!»

Для повторения

Для окончания

st

st

Вьётся чайка за кормою,
Улетает в небеса.
Мы сегодня над Невую
Поднимаем паруса.

Припев:

Нас море зовёт!

Море зовёт!

Манят нас дальние страны.

И ветер поёт,
балтийский поёт:
— Смело вперёд, капитаны!

Прозвучит команда звонко,
Склянки вахтенный пробьёт.
И проводят нас девчонки-
Одноклассницы в поход.

Припев.

Растут на Неве капитаны

В ночь с 20 на 21 июля 1964 года, в час, когда разводят мосты, от пристани возле 16-й линии Васильевского острова отошло небольшое судно. Оно неторопливо развернулось навстречу течению и направилось к открывшемуся перед ним пролёту моста лейтенанта Шмидта.

Его отплытие вряд ли кем-нибудь было замечено. Мальчишек, как известно, в эти самые романтические часы матери почему-то держат дома, а взрослые на мостах слишком заняты друг другом, чтобы смотреть на воду. Да и что бы они увидели? Обычный озёрный теплоход на 150 посадочных мест, далеко не новый, хотя и недавно покрашенный. Ничего бы не сказало им и название теплохода — «Серафимович».

А между тем это ничем не примечательное с виду судёнышко было причиной того, что в Ленинграде в ту ночь, по точным статистическим данным, не спало 500 мальчишек: 440 — от лёгкой зависти, 42 — от возбуждённого нетерпения, а 18 — от неописуемой гордости и восторга.

Строго говоря, эти восемнадцать были просто нарушителями дисциплины. Когда они появились на борту «Серафимовича», вид у них был довольно виноватый, а сердца замерли от страха: «Возьмут? Или прогонят?»

Лица командиров не предвещали ничего хорошего. Руководитель перехода Степан Иванович Валетов недовольно молчал. Начальник практики Виктор Арсентьевич Дикарев насулился и стал страшнее всех адмиралов.

— Вы что, — раскатиисто спросил он, и под «Серафимовичем» испуганно захлопала вода, — не слы-

шали приказа? Сбор 21-го в девять ноль-ноль? Зачем вы явились сюда?

— Виктор Арсентьевич, — волнуясь заговорил Юра Шилов, — поймите нас, ведь это так здорово: ночью, по Неве... Мосты разводят, звёзды вон в воде... Ночь-то какая... Поймите!

— Понимаю. Не бесчувственный. Но приказ есть приказ. Нарушать его никому нельзя, даже адмиралам. Так что кругом!..

Не выполнить команды ребята не могли. Моряки всё же. Это была катастрофа. Сейчас последует: «Шагом марш» и...

И тут Сашка Пучко неожиданно сказал:

— А у меня родители уехали на дачу. И квартиру заперли. Мне домой не попасть.

Он смотрел на командиров круглыми честными глазами и даже не мигал.

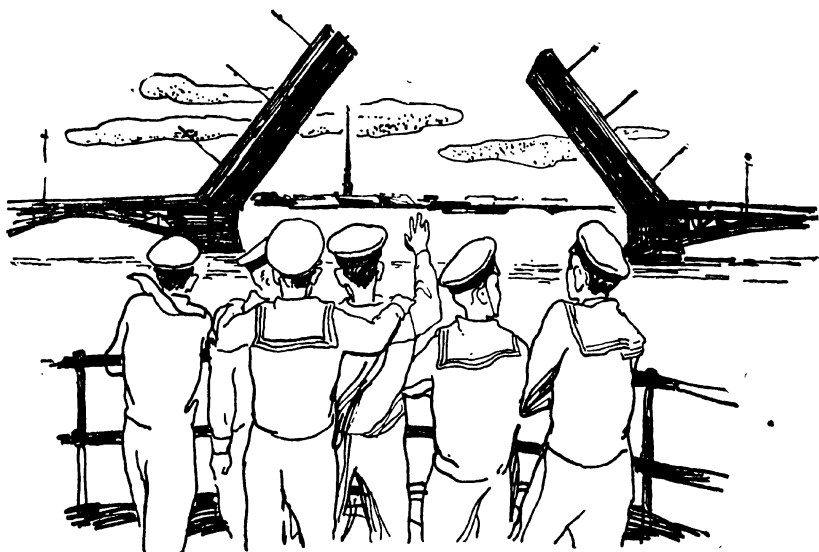
Ребята затаили дыхание. Дикарев переглянулся с капитаном третьего ранга в запасе Степаном Ивановичем Валетовым. У Степана Ивановича было доброе лицо, и он даже чуть-чуть улыбался.

— Ну уж если такое обстоятельство, Виктор Арсентьевич... — сказал он. — Пусть Пучко остаётся. Остальные, кру...

— Между прочим, на мосту милиционер стоит, — перебил Юра Шилов и сам удивился своей смелости.

— Ну и что? — строго спросил Валетов.

— А то, что он останавливал нас, когда мы сюда шли. Чего, говорит, по ночам шлёпаетесь? Еле объяснили. Хорошо, говорит, поверю. Только если ещё раз увижу — всех в отделение заберу. Злой такой!

— Значит, испугались?

— Ага, страшно!

Валетов и Дикарев снова чуть заметно переглянулись.

— Марш по местам! — вдруг скомандовал Степан Иванович. — Отходим.

— Есть отходим! — заорали восемнадцать мальчишек и рассыпались по кораблю.

И вот теперь они стояли на палубе теплохода, идущего от моста к мосту вверх по Неве, и их буквально распирало от гордости.

Мальчишки всегда мечтают о море. Одни «заболевают» им раньше, другие позже, одни сильнее, другие меньше, но увлечение морем не минует никого. Я сам был мальчишкой и знаю это совершенно точно.

Моя «морская лихорадка» совпала с войной и победой. В те трудные годы мальчишки были такими модниками, которым даже нынешние девчонки в подмётки не годятся. Они все щеголяли в широких ремнях с якорями на бляхах. Они признавали только клёши необъятной ширины, которые развевались по ветру, как стяги. Они небрежно расстёгивали и без того широкий ворот отцовской гимнастёрки, словно им было душно, — а на самом деле для того,

чтобы приоткрыть треугольничек выцветшей тельняшки.

И девчонки соседних женских школ таращили глаза с невольным уважением, как будто и впрямь перед ними были овеянные славой храбрые балтийские моряки.

Наладилась мирная жизнь — и новые мальчишки пришли в свой Дворец на Фонтанке, в свою морскую лабораторию. Такой лаборатории нет больше ни у одного кружка в Ленинграде. Её строили для ребят ещё в 1937 году самые настоящие судостроители ленинградских заводов, и поэтому в зале бывшего графского дворца оказалась часть самого настоящего корабля: штурманская рубка, трап и капитанский мостик с компасом, штурвалом и машинным телеграфом.

14 февраля 1963 года во дворце открылся клуб юных моряков. Объявления звали сюда всех тех, кто хотел стать штурманом, мотористом, сигнальщиком, радистом... Легче было бы пересчитать тех, кто не хотел ими стать!..

Группы оказались переполненными. На каждого счастливчика было по несколько «завистников», которых по возрасту или другим печальным обстоятельствам в клуб пока не приняли.

У юных моряков было всё: настоящая морская форма, настоящие морские командиры, ребята овладевали настоящими морскими специальностями.

У них было всё... кроме корабля.

А что такое сухопутный моряк? Это величайшая бессмыслица, это вопиющая несправедливость... Должны же взрослые понять это!

И взрослые поняли. Министерство речного флота РСФСР подарило клубу Дворца пионеров корабль. Неважно, что старый, неважно, что пассажирский, неважно, что озёрный, — важно, что свой! Свой корабль... Это надо почувствовать! Корабль, механизмы

которого приводят в действие мальчишки, где драят палубу и несут вахту у машин мальчишки, где у штурвала стоят мальчишки!

Вот чем был для ленинградских ребят «Серафимович», который утром 21 июля должен был отправиться в дальний переход по Волго-Балтийскому каналу до Москвы и обратно.

Но пока ещё была ночь, свободные от вахты ворочались дома в своих постелях, нетерпеливо дожидаясь утра, и лишь вахтенные да 18 нарушителей дисциплины на борту корабля радовались своей удаче. Как потом жалел Володя Фёдоров, что он не оказался в их числе...

В 372-й школе Володя вовсе не числился любителем порядка. Со всем даже наоборот. Так, во всяком случае, считали учителя.

На этот раз Володя решил быть точным. Он явился во Дворец ровно к девяти ноль-ноль. Но лаборатория с капитанским мостиком была пуста.

Неужели самый первый?

Володя побродил по коридору. Никого. В чём дело? Он подождал ещё немного. Нет ребят!

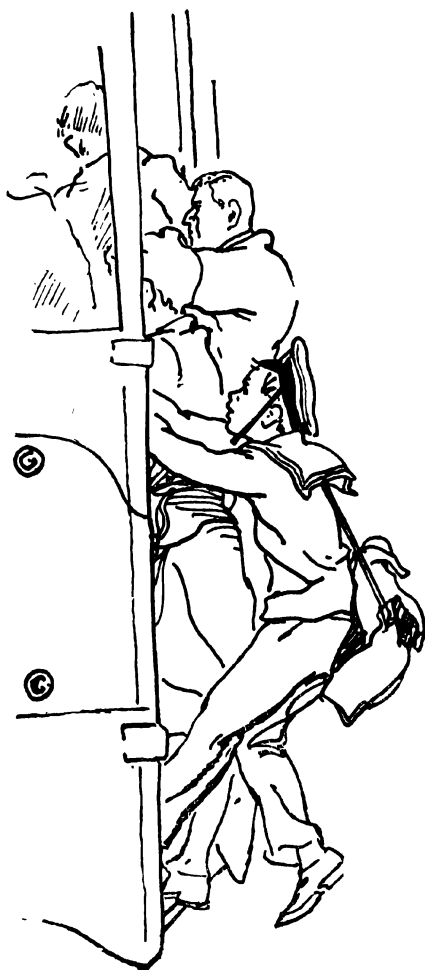
Наконец Володя заглянул в учебную часть.

— Фёдоров, почему ты здесь? — удивился завуч. — Ведь сбор у причала на Станционной!

Через минуту Володя мчался вниз по лестнице, перескакивая через три ступеньки и волоча за собой свалившийся с плеча рюкзак. Он ругал себя самыми последними словами: «Ротозей! Растяпа! Перепутать место сбора! Моряк называется!..»

Но скоро Володя перестал ругать себя. Это за него теперь делали другие. Ругали прохожие, на которых он налетал с разбега; свистел милиционер, негодовала очередь, оттолкнув которую Володя уцепился за поручни трогającegoся автобуса; ворчала кондукторша.

Володя терпел безропотно: «Лишь бы успеть!»

Но вся гонка оказалась напрасной. У причала на Станционной «Серафимовича» не было. Он отошёл несколько минут назад...

* * *

Начинались четвёртые сутки похода. Ладожское озеро осталось позади. «Серафимович» шёл вверх по Свири навстречу онежской волне.

Ребята постепенно привыкали к походному порядку. Команда была разбита на вахты, выбраны командиры. Сразу обнаружилось, что самый дружный народ — мотористы, и командир вахты Саша Воробьёв слегка розовел от удовольствия, выслушивая одобрительные слова начальства. Зато первая палубная вахта явно подкачала. Почти сразу же она умудрилась заработать два наряда вне очереди за опоздание на зарядку.

Особенно «отличался» Саша Пучко. Начальник перехода Степан Иванович Валетов отчитывал командира первой вахты Игоря Верлина:

— Опять у вас Пучко подушками кидался. Делаю последнее предупреждение...

...Вдали показался причал, и все дела были отложены. Команда высыпала на палубу. Пучко, как всегда, мечтал о рыбалке. Спицын выпросил пятиминутное увольнение на берег.

— Какой порт? — беспокоился он. — Какой порт?

— Вознесение. Успокоился?

— А кто там рукой машет? — вдруг спросил Спицын.

Действительно, на пристани стоял невысокий человек в морской форме и отчаянно махал руками, словно подзывая теплоход к себе.

Через несколько минут по сходням на «Серафимович» вбежал... Володя Фёдоров. Он был вне себя от радости:

— Догнал... Всё-таки догнал...

— Откуда ты взялся? — допытывались ребята.

— Оттуда, — Володя махнул рукой на запад, в сторону Ленинграда. — Откуда ещё?..

— Как же ты нас догнал?

— Да вот — догнал. Хотел очень... Не мог я отстать.

— Ладно, моряк, иди доложи начальству!

Появление взбудораженного Володи словно нарушило ровную, размеренную и немного однообразную жизнь на «Серафимовиче». Интересные события последовали одно за другим.

Первым о ребятах, жаждущих романтики, «позаботилось» Онежское озеро. Оно словно подслушало их разговоры о том, что, дескать, интересно плыть по всяким там рекам и озёрам, но всё-таки не так, как в море. Тут даже волнения большого не бывает, не то что приличного шторма..

И Онега слегка насупилась.

Моторист Андрей Щеперин похлопнул палец и поднял его над головой.

— Направление ветра норд-ост! — объявил он.

Ветерок можно было почувствовать и без такого «хитрого» приёма. Он сморщил озёрную гладь, нагнал откуда-то облаков.

— Может, шторм будет, а? — с надеждой спрашивал у всех Щеперин.

— А как же! — язвили товарищи. — Онежское озеро — самый бурный океан в мире. Иди поспи, может, и приснится тебе шторм.

Но у Андрея не проходило какое-то внутреннее возбуждение. Он был свободен от вахты и никак не мог найти себе занятия.

«И впрямь подремать, что ли?» — подумал он. Андрей спустился в кубрик, забрался на койку и начал мечтать. Он попытался представить себе настоящий шторм в открытом море и себя — ловкого, отважного моряка. Но вместо этого ему почему-то стало казаться, что он на качелях. Качели раскачиваются медленно, со скрипом. Это очень противно. Под ложечкой начинает посасывать... Хочется на свежий воздух.

Андрей выскочил на палубу и не узнал Онеги. Вдулись волны. Шипя, закручивались на их вершинах белые гребешки. Судно размеренно, медленно карабкалось вверх и затем словно проваливалось вниз. Опять карабкалось и опять проваливалось с тошнотворной равномерностью.

— Ветер пять баллов, — объявил Виктор Арсентьевич. — Бортовой крен до 27 градусов.

— Шторм! Ведь можно сказать, что это уже шторм? — приставал к нему Андрей.

Но всеобщего ликования он почему-то не видел. Лица у ребят какие-то посеревшие, унылые. К поручням, шатаясь, подбиралась то одна, то другая фигура и со стоном перегибалась пополам.

— Щеперин! — скомандовал механик Виктор Николаевич Мотыжонок. — Заступайте на вахту вместо Тимофеева.

— А что с ним?

— Заболел.

Щеперин понимающе закивал головой и оглядел фигуры у поручней, ища среди них Игоря.

— Нет, нет, он простудился, — перехватил его взгляд Виктор Николаевич. — А ты... как? Держись?

— Меня простуда не берёт, — ответил Андрей, хотя понимал, что его спрашивают о другом.

Честно говоря, его тоже поташнивало, но он сдерживался.

В машинном отделении душно. Саша Воробьёв, облизывая пересохшие губы, пишет в журнале: «Вахту сдал». «Вахту принял», — пометает рядом Андрей.

Он немного разочарован. Вот дождался — шторм. А всё как-то буднично и просто. Как учили на занятиях. Надо следить за приборами. Давление масла 2,4 атмосферы. Нормально. Температура охлаждения главного двигателя тоже в пределах нормы. Самое главное — следить за шкалой расходного бачка. В шторм он всегда должен быть полон.

В шторм!

Андрей сразу проникся чувством собственного достоинства.

«Надо, пожалуй, топлива подкачать», — деловито решил он и включил насосы.

У Юры Курбанова — дежурного электрика — вырвался какой-то хлюпающий звук.

— Что, плохо? — спросил Андрей. — Может, сменить?

Юрка стиснул зубы и отрицательно замотал головой. В глазах — злая, отчаянная решимость.

— Ничего, ребята, — словно самому себе бормочет Андрей. — Спокойно. Подумаешь, какой-то паршивенький пятибалльный шторм..

На следующее утро начальник перехода, построив ребят, поздравил их с «первой трёпкой». Вахте мотористов была объявлена благодарность.

И снова потекли у ребят романтические матросские будни, которые трудно было отличить от праздников. Да и настоящих праздников в пути было много: праздник

Военно-Морского Флота, День строителя, праздник Нептуна, встреча с юными моряками столицы. Обо всём этом можно рассказать подробно, но не будем «отбивать хлеб» у бывалых моряков, какими теперь стали ребята с «Серафимовича».

В самом деле, представьте себе, что в ваш двор покачивающейся походкой «морского волка» заходит пятнадцатилетний капитан (ну, не капитан, а штурман или радист) и небрежно говорит обступившим его «салагам»:

— Да... Так вот, бывало, на нашем корабле...

Или:

— Помню, ребята, когда мы беседовали с адмиралом флота Сергеем Георгиевичем Горшковым, он мне и говорит...

Признайтесь честно, что бы вы

стали делать в такой ситуации? Прежде всего вы бы стали отчаянно завидовать. А потом робко заикнулись бы:

— А мне... нельзя? Ну, в моряки?

Вот таким образом и «погиб» Юра Кузнецов из шестого «б» класса 159-й школы. В числе других новичков он пришёл в комнату с капитанским мостиком. Ведь надо же заменить тех, кто уже выпущен из клуба с аттестатом и званием моряка-инструктора. Юра уже участвовал в весеннем ремонте «Серафимовича» и скоро выйдет на нём в поход.

А выпускники? А выпускники пришли в Дома пионеров и в школы, разъехались по пионерским лагерям, чтобы руководить там морскими кружками, растить новых пятнадцатилетних капитанов.

Моя РАСКЛАДУШКА

Моя раскладушка —
Быстрая шхуна
Гружу подушками
Глубокие трюмы.

И Земля кружится
Заводной игрушкой.
Океаны — лужицы
Для моей раскладушки.

Качаются ножки
И спинка гремучая.
Матрасы жёсткие —
 моё горючее.

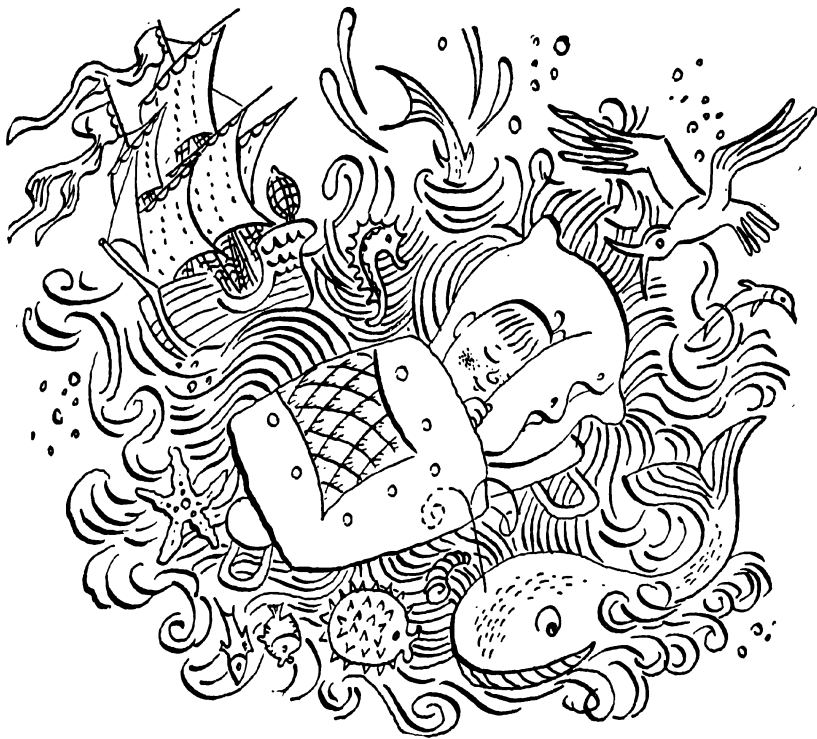
Будут ночью гавани
И штормы будут.
Отправляюсь в плаванье.
Пока не разбудят.

Окно белеет
уличным светом,
А с карты веют
Морские ветры.

Саша БОРОВСКИЙ, 6-й класс

Литературный клуб Дворца
пионеров им. А. Жданова

Рис. Г. Ясинского

(Б Ы Л Ь)

Широкий, пенящийся след протянулся за нами через суровую Балтику и хмурое Северное море. Затем он ушёл от берегов Европы в неоглядный и зыбкий простор Атлантического океана, весело пробежал в синее и ласковое, но страшно вспыльчивое Карибское море. Отсюда он нехотя втиснулся в узкую щель Панамского канала и, слегка посереб्रив его мутную воду, с радостью вырвался на кипящий простор Тихого океана. И вот его затейливая кружевная лента 20 декабря дотянулась до берегов солнечной Калифорнии.

Мы знали о том, что в Калифорнии сделаем остановку месяца на полтора. Нужно было отремонтировать паровые котлы. Значит, можно будет вдоволь надышаться

землёй. А сколько будет интересных встреч, новых, незабываемых впечатлений!

Едва успели мы ошвартоваться у бетонной стенки причала города Сан-Педро, как на судно явились портовые власти — чиновники полиции, таможни и санитарного надзора. У трапа встал полицейский, как наглядное свидетельство того, что граница пока закрыта. Старшие чины полиции засели в кают-компанию и всех нас поодиночке стали вызывать к себе для проверки.

Наконец все процедуры по оформлению нашего прибытия в Америку были закончены.

До обеда оставалось несколько минут, и мы спешили закончить палубные работы, а после обеда — на берег.

Уже составлялись компании для поездки в Лос-Анжелос, Голливуд и другие интересные места.

И вдруг...

С мостика прогремела команда:

— На швартовку, по местам!

Матросы удивлённо переглянулись и разошлись по своим местам. Через несколько минут был поднят трап, пароход развернулся кормой к берегу, послал городу басовитый прощальный гудок и вышел в океан.

После обеда в корабельной столовой был собран весь экипаж. Вошёл капитан, и в наступившей тишине мы слышали его спокойный, неторопливый голос:

— Товарищи! Наша страна недавно приобрела в Америке партию очень ценного оборудования, которое сейчас находится на складе порта Лонгвью, расположенного на реке Колумбии в штате Вашингтон. За этим грузом уже направлено одно из наших судов, которое должно прибыть в Лонгвью дней через десять. Казалось бы, всё было в порядке. Но случилось непредвиденное и теперь груз надобно вывезти из Лонгвью обязательно до наступления Нового года. В противном случае наша страна утратит на него право собственности. Вот какой сюрприз преподнесли нам в Америке. Других наших судов поблизости от Лонгвью сейчас нет. Мы сейчас ближе всех к этому порту.

Остальное вам должно быть понятно.

— Товарищ капитан, а успеем ли мы? — озабоченно спросил молодой матрос Валерка.

— Должны успеть, — твёрдо сказал капитан. — Это дело нашей чести.

— Василий Иванович, а сколько времени надо добираться туда? — спросил капитана третий механик Чернышов.

— С нашей обычной скоростью не меньше четырёх суток.

— Ого! Значит, попадём как раз в рождество.

— К сожалению, да, — подтвердил капитан. — Рождество отнимет у нас два дня, и до Нового года останется только четыре полных рабочих дня.

— А сколько дней должна занять погрузка? — как всегда, деловито, спросил боцман.

— По имеющимся сведениям, не меньше пяти суток.

После этих слов капитана в столовой сразу стало шумно. Со всех сторон послышались взволнованные голоса:

— Товарищ капитан! Что ж получается?

— Как же мы успеем?

— Тут приход с расходом не сходится.

Капитан поднял руку, и сразу стало тихо.

— Товарищи! Всё станет яснее на месте. Надо только поскорее добраться туда. Скорость, и только скорость может решить успех всего дела.

Во время ужина все узна-

ли о том, что машинная команда уже добавила два оборота винта и запустила турбину 'отработанного пара, которая давно бездействовала. Это дало увеличение скорости на полмили в час. А за весь переход прибавка достигнет почти пятидесяти миль. Значит, выигрыш во времени составит около пяти часов. Это уже неплохо.

Голубое и ласковое небо Калифорнии осталось за кормой. На всех парáх летели мы на север. С каждым днём становилось всё холоднее. Порывистый ветер гнал над океаном тяжёлые тёмные тучи. Временами хлестал холодный дождь. Судно качало.

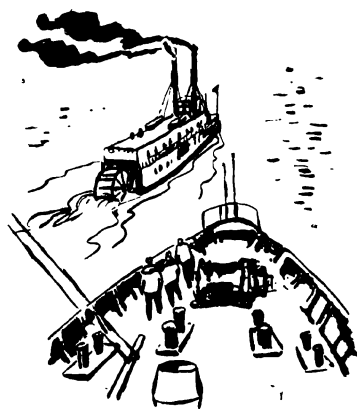
24 декабря ранёхонько мы подошли к устью реки Колумбии. Перед нами до самого берега с грозным гулом металась крутые кипящие волны. Это было место, погубившее за многие годы немало разных судов.

— Тут, брат, смотри в оба, а то, чего доброго, и шею свернуть можно, — недовольно ворчал старпом, стоявший на вахте.

— Да, тут зевать нельзя, — отозвался капитан.

Подошёл лоцманский бот, и к нам на борт поднялся местный лоцман, с помощью которого мы благополучно вошли в реку.

Миновали небольшой городок Асторию, приютившийся возле самого океана, и направились дальше вверх по течению этой глубокой и широкой реки, окаймлённой высокими лесистыми берегами.

Наше внимание было привлечено неожиданным зрелищем. Справа, недалеко от главного фарватера, оказалась большая группа морских торговых кораблей. Судя по их запущенному внешнему виду, к ним давно уже не прикасались заботливые матросские руки. На их высоких палубах царило безмолвие пустыни. Это были безработные суда.

За первой якорной стоянкой последовала вторая. Всего здесь было «заморожено» не менее сотни крупных современных судов. Все вместе они могли бы только за один рейс перевезти не менее миллиона тонн полезного груза. И такая силища была обречена на бездействие...

Продолжая подниматься вверх по пустынной реке, мы прошли под высоким мостом, круто развернулись и, приблизившись к правому берегу, подали швартовые на свайную пристань города Лонгвью.

Но где же город? Мы видели только порталы краны на пристани, длинные здания

складов да высокую береговую часть моста.

Агент фирмы, от которой мы должны были получить свой груз, при встрече с капитаном заявил, что погрузка начнётся только после рождественского праздника и закончится не раньше 3 января.

— Это нас не устраивает. Мы уйдём 31 декабря, — ответил капитан.

— Неужели вы намерены уйти с неполным грузом? В таком случае вся ваша работа пошла бы насмарку, потому что это оборудование строго комплектно и его невозможно смонтировать и пустить в ход, если не хватит каких-либо деталей.

— А мы и не собираемся оставлять здесь какие-то детали! Мы хотим взять весь груз.

— Если так, то Новый год вы будете встречать здесь, и я был бы счастлив видеть вас среди своих гостей.

— Благодарю за приглашение, но не могу принять его, потому что Новый год мы встретим в океане.

— Это невозможно, капитан. Даже с нашими темпами...

— Вот вы хвастаете своими темпами, — перебил агента капитан, — а знаете ли вы, что такую работу у нас сделали бы за два дня?

— Капитан! Вы меня развлекаете.

— Нет. Я вам говорю серьёзные вещи.

— Я не могу этому поверить, капитан. Вы пошутили.

— Ну, хорошо, — сказал капитан, — а нельзя ли начать погрузку несколько раньше. Ну, хотя бы на второй день праздника?

— Что вы! — с неподдельным изумлением воскликнул янки. — Рождество у нас такой праздник... Мы его справляли даже в трудное время войны... Нет, господин капитан. В рождество американцы не работают. Погрузка начнётся 27 декабря. Как хотите, а раньше 3 января вам отсюда не уйти.

— А мы всё-таки уйдём 31 декабря!

Агент пренебрежительно усмехнулся:

— Ваше упорство очаровательно! Но вы плохо знаете Америку.

В этот день, ещё до конца работы, у нашего капитана побывало много разных людей. Были среди них и представители местного профсоюза портовых рабочих.

Прошла последняя ночь перед рождеством.

Крепкий утренник покрыл пушистым инеем весь пароход. Река ещё дышала накопленным теплом, и над ней курился лёгкий парок, в воздухе бесшумно кружились первые снежинки. Кругом было пусто и тихо.

Я стоял на палубе и жадно вдыхал чистый студёный воздух, напоённый нежным ароматом хвойного леса. Подо мной струилась незнакомая река с красивыми, но чужими берегами.

— Никак замечтался, дружок? — услышал я за спиной

снисходительный басок Кузьмы — своего товарища по каюте. — Ты вот лучше посмотри, что на пристани творится, — добавил он уже серьёзным тоном.

К пристани шли люди. Их прибывало всё больше и больше. Вскоре они заняли весь передний край пристани.

Многие из пришедших дружелюбно приветствовали нас. Тут были старые и молодые, одиночки и целые семьи. Су-

дя по их скромной и очень пёстрой одежде, это был трудовой люд. Между американцами и нашим экипажем в разных местах завязывались оживлённые беседы. Многие из пришедших уже дымили русскими папиросами.

После обеда мы отправились в город. Миновав склады и старательно обойдя большие бурые лужи, мы подошли к мосту, у въезда на который скопилось несколь-

ко автомобилей. Эта своеобразная очередь объяснялась тем, что хозяева моста взимали плату за проезд с каждой проходящей машины.

От моста пошли по прямой грязной дороге. Шли довольно долго и невольно вспоминали американцев, ещё утром прошедших по этой дороге, чтобы взглянуть на наш пароход. Сначала кругом было пусто, а потом появилось жильё, а дорога превратилась в длиннейшую улицу с белыми одноэтажными стандартными домиками по сторонам. Перед окнами многих домов, несмотря на большой праздник, сушилось бельё. Дома не огорожены. Ни деревьев, ни кустика. Людей тоже не видно. Пусто.

Эта дорога привела нас в небольшой низкий городок. Главную улицу Лонгвью занимали магазины, конторы, кинотеатры, гостиницы и кафе. Во многих витринах стояли нарядные ёлки. Сегодня главная улица была пуста. Безлюдно было и на других улицах. Редко встречались прохожие и ещё реже — машины.

Поперёк некоторых улиц висели разноцветные гирлянды из маленьких бумажных флажков. Они были очень похожи на флажки, которыми наши ребяташки украшают свои любимые детские сады.

Было удивительно скучно в этом пустынном городишке, и мы вскоре вернулись к себе на пароход.

На другой день произошло

нечто совершенно неожиданное. К восьми часам утра явились рабочие, и началась погрузка.

Грузчики были одеты тоже весьма пёстро и почти все в красных шапочках. Были тут и электросварщики. Они работали на носу, приваривая к палубе и фальшбортам парохода толстые железные скобы для крепления тяжёлого палубного груза.

Вместе с грузчиками прибыли и представители местного профсоюза портовых рабочих. Капитан встретил их с нескрываемой радостью.

— Я не знаю, чем вас отблагодарить. Но почему вы не известили меня?

— Видите ли, господин капитан, — заговорил коренастый брюнет с седыми висками, — прошлый раз мы хорошо поняли вас, но ничего не могли обещать заранее. Потом мы переговорили с нашими парнями и сами удивились тому, как у нас быстро пошло это дело на лад. Вчера мы было собрались заглянуть на пароход, чтобы успокоить вас, но передумали. Мы решили сделать вам маленький сюрприз.

С утра до вечера плавали в воздухе длинные стрелы порталных кранов. В глубокие трюмы нашего парохода один за другим опускались большие тяжёлые ящики. На носовую палубу осторожно укладывались огромные металлические фермы и очень надёжно, по-морскому крепилась узкими стальными

лентами за приваренные скобы.

Погрузка шла хорошо. Знакомый нам агент фирмы ежедневно приставал к нашему капитану с одними и теми же словами:

— Умоляю вас, объясните, чем вы подкупили наших рабочих? Это же неслыханно, чтобы у нас работали в рождество...

31 декабря за час до обеда был подан с пристани на пароход последний ящик.

Мы быстро закрыли все трюмы. На каждый люк натянули по два непромокаемых брезента и закрепили их железными шинами и дубовыми клиньями.

Прощаясь, знакомый агент снова спросил капитана:

— Вы так и не ответили мне, чем вы подкупили наших рабочих?

— Мне трудно это объяснить. Просто вы плохо знаете свою Америку, — ответил капитан.

Ливень в горах

По скалам отвесным,
по синему лесу,
по сизым ущельям, —
сплошную завесой
встал

и заухал,
загукал,
затопал
серебряный ливень
всемирным потоком!

С огненной гривой,
не ливень-ленивень,
а ливень-тудяга,
ливень, как бивень!

Горы откликнулись
эхом сердитым,
горные реки
забили копытом.

...Серебряный ливень,
ромашковый ливень,
пронизанный радугой
ливень-шумливень!

М. Головенщик

Н А Р Ы Б А Л К Е

Застыл на озере челнок,
Как на заказ погода,
Рябит рассветный ветерок
Чуть розовую воду.

Плывут спокойно облака
В воде прозрачно-чистой,
Стоят четыре поплавка
На облаках пушистых.

Другим, быть может, невдомёк,
А рыбаку знать надо,
Что лещ кидает поплавок
Не как-нибудь, а набок.

Начнёт вода у полавка
Кругами расходиться —
Хитрит, играет у крючка
Коварная плотица.

А вот забила лёсу дрожь —
Дотошный и упорный
Червя заглатывает ёрш —
Сам комендант озёрный.

Вода запела в котелке,
В зените солнце. Жарко.
Костёр. Палатка. Хлеб в руке.
Окончена рыбалка.

ВОТ ЭТО УЛОВ!

Во всех морях и океанах земного шара, в штиль и в шторм, днём и ночью, во все времена года можно встретить рыболовные траулеры. Для этих тружеников моря нет хорошей и плохой погоды, а есть только сезоны ловли той или иной рыбы.

Но нередко бывает, что тралы поднимают из морских глубин не только рыбу. Я расскажу вам о необычайном улове, свидетелем которого мне довелось быть.

...Случилось это в Северной Атлантике. Команда нашего траулера, сделав очередной заход, стала медленно выбирать сети.

— Клянусь бородой Нептуна! — воскликнул старший мастер добычи Иван Кузьмич. — Или мы за что-то зацепились, или в сетях тонн пять рыбы. А ну, поживей, салажата!

Но все попытки «салажат» — старых, опытных рыбаков — ускорить выборку сетей ни к чему не привели. Стальной трос натянулся, как струна, с трудом наматываясь на барабан. И вдруг вся команда ахнула: на поверхности океана показалась громадная туша зубатого кита — кашалота.

— Вот это рыбка!

— Ни в одну бочку не войдёт!

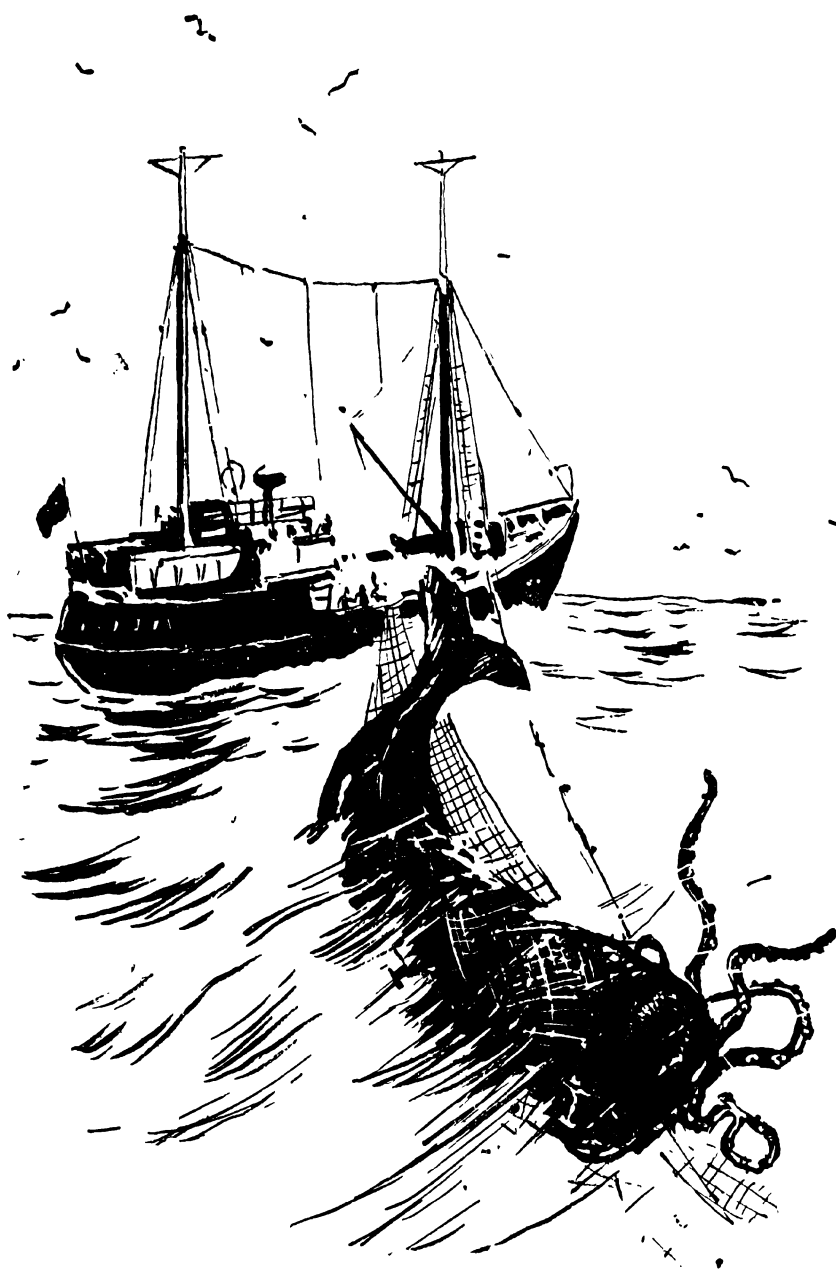
— Соли на него не хватит!

— Да-а, — удивленно проговорил капитан, — сколько лет ловлю рыбу, но такой добычи ещё не приходилось вытаскивать. Заарканьте канатом хвост, а то сети порвёте!

Матросы бросились выполнять приказание капитана, а я подумал: «Как кит попал в сети?» Случилось это, вероятно, давно — по крайней мере больше часа, потому что животное, задохнувшись без воздуха, совершенно обессилело и не сопротивлялось.

Вскоре матросы заарканили хвост кашалота прочным канатом. Заработали лебёдки, поднимая гиганта в воздух. Иван Кузьмич уже потирал руки от удовольствия, надеясь извлечь из головы кашалота драгоценный сперматовый жир...

Вот животное наполовину вытащили из воды... Вот показалась вся громадная туша... Ещё немного, и кит будет на борту траулера... Но что это?! Голова кашалота была опутана какими-то канатами, в зубастой пасти зажато странное чудовище:

огромные, как блюдечки, глаза, изогнутый, словно у попугая, клюв...

Все оцепенели от неожиданности.

— Клянусь белой акулой! — прервал молчание

Иван Кузьмич. — Это кальмар! Там, в сумрачных глубинах океана, произошла схватка этих двух исполинов. Кашалот, преследуя кальмара, а может, и спасаясь от него — эта тварь умеет постоять

за себя! — с ходу ворвался в наши сети, запутался и задохся.

Но кашалот не задохся. Пока мы ахали и охали, обсуждая происшествие, да слушали рассуждения Ивана Кузьмича, кит отдышался и, набравшись сил, так хватил хвостом по фальшборту, что канаты и тросы лопнули, словно нитки.

Рассекая вспенившуюся воду, кашалот взмахнул на прощанье хвостом и скрылся в пучине...

На палубу мы вытащили только одну «руку» кальмара, потерянную им в битве с кашалотом. Длина щупальца была почти пять метров. На внутренней стороне «руки» в два ряда на особых стебельках располагались круглые присоски, края их были усеяны мелкими зубами-крючками.

Промышляя китов, моряки не раз добывали кашалотов с кольцеобразными шрамами на теле. Эти шрамы киты получали в схватках с кальмарами. Да и не удивительно: щупальцев у кальмара десять, на некоторых присоски идут в четыре ряда!

...Кальмар, которого мы чуть не вытащили на борт, был ещё не такой большой — метра два без щупальцев. Рассказывают, однажды здесь, в Северной Атлантике, выловили кальмара длиной более шестнадцати метров. Его торпедообразное тело равнялось почти пяти метрам, а щупальцы были длинной в одиннадцать метров!

Глаза у чудовища были величиной с тарелку. Ни у одного животного в мире нет таких больших глаз.

Кашалоты и кальмары в сети к нам больше не попадались, а вот осьминогов мы вытаскивали часто. Раз даже на удочку поймали.

На каждом судне всегда найдется несколько любителей-рыболовов. Я и сам не прочь посидеть с удочкой. Как-то ночью мы опустили за борт мощную электрическую лампу с отражателем, и на свет сразу же приплыло множество всяких рыб. Закинули удочки и ждём, пока клюнет. Вдруг видим, как в свете лампы на большой глубине появилось какое-то призрачное белёсое существо и быстро пересекло освещённый участок. По виду оно напоминало вырванный человеческий зуб с двумя корнями.

Через несколько минут мы вновь увидели неизвестного обитателя морских глубин, поднявшегося ближе к поверхности. Вся рыба, собравшаяся под «люстрой», бросилась врассыпную!

В третий раз странный гость проплыл на глубине около метра, и мы узнали в нём... осьминога.

Я вывел лёску на путь движения осьминога и, когда тот подошёл к ней, сильно дернул вверх. Ах, неудача! Слишком сильным был рывок: крючки прорвали тело осьминога, и он стал уходить к удочке боцмана, рыбачившего рядом со мной. Тому

удалось поддеть осьминога на крючок. Опасаясь, что лёска не выдержит, я быстро подвёл под осьминога свою удочку. Извиваясь всеми своими щупальцами, осьминог старался освободиться, но мы всё же осторожно вытащили его из воды — спрут сразу затих! — а потом подныли на палубу.

По судну уже разнесся слух, что мы поймали осьминога. Все сбегались посмотреть на чудовище, о котором написано столько страшных историй. Правда, спрут был невелик: длина щупальцев не превышала полутора метров. Вялое и рыхлое тело своими очертаниями напоминало мешок. От головы отходило восемь «рук» — их раньше неправильно называли «ногами», отчего и произошло название «осьминог».

Мы поместили осьминога в большую бочку, наполнив её морской водой, и бросили туда всю рыбу, пойманную на удочки.

Нам очень хотелось при-

везти осьминога живым домой и подарить его Ленинградскому зоопарку.

...Прошли сутки, вторые — осьминог ни к чему не приотронулся. Подобрал под себя все свои восемь щупальцев и так сидел на них, как на седка.

На третьи сутки нам показалось, что спрут мертв. Пошевелили его палкой — никаких признаков жизни.

— До дому мы его не довезём — испортится, — сказал боцман.

— Заспиртовать! — предложил кок.

— Где же ты возьмешь бочку спирта? — заметил радист.

Как ни жаль, решено было выбросить осьминога в море. Поддели его палками и швырнули за борт...

Но что это?!

Оказавшись в своей стихии, спрут вытянул щупальца, выбросил сильную струю воды и исчез в глубине...

Обманул, хитрец, нас, старых «морских волков»!

Города нашей области

Пушкин

На рассвете с последней атакой,
Прижимая к груди автомат,
На горячих руинах заплакал
Первый в город вбежавший
солдат.

Из руин нашей силою поднят,
Город краше и лучше, чем был.
Вновь меня он встречает сегодня
Тем, что я навсегда полюбил.

В эти с детства знакомые парки
Имя Пушкин навек вплетено.
Колоннады, аркады и арки,
И студенческой кельи окно.

Всё брожу и брожу по аллеям,
Старых лип золотятся верхи,
И мне слышится: там, за Лицеем,
Юный голос читает стихи...

Рис. А. Курушина

Ивангород— Нарва

Века в боренье беспримерном
Покрыв историн туман.
Здесь башню к небу поднял
Герман,
Здесь крепость утвердил Иван.

Не уступил тут русский шведу,
Могучий воздвигая вал.
Здесь Пётр великую победу
Из поражения ковал.

Прошли века.
Ушла в преданье
Былая городов вражда.
Для радости и созиданья
Здесь побратались города.

А в каменной своей одежде
Над светлой быстринной реки
Лишь только крепости, как
прежде,
Стоят, насупясь, как враги.

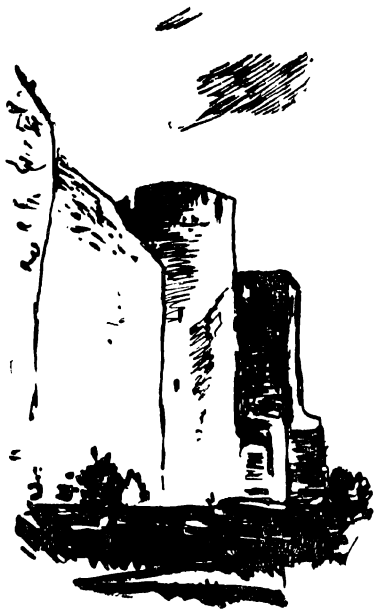

Рис. В. Адаева

«Башлык на вертеле».

«Грудное до индейки».

«Жареные краны (горячие и холодные)».

По мнению Марко, эти названия не способствовали возбуждению аппетита. Но ещё более странные названия он прочёл в меню, представлявшем собой толстую книгу столь же увесистую, как список абонентов телефонной сети. Если учесть, что на каждой странице помещалось триста названий, меню состояло по меньшей мере из трёхсот тысяч различных блюд. В конце книги, кроме того, оставались чистые страницы, на которых посетителям предлага-

лось записывать рецепты, придуманные ими самими.

«Возьмите два горлышка от бутылок, — советовал некто за подписью Пиппус, — одно выбросьте сразу, другое поместите в душегубку и оставьте там на три дня, добавляя через каждые три часа по пятьдесят граммов свежевывученных опилок, рога улитки, отварные вилки, одну конфетку, одну салфетку и одну монетку. По вкусу можете посыпать всё зубным порошком, морской галькой или трёхконечными гвоздями. Подавайте с гарниром из тёртых покрышек трёхколесного велосипеда. Блюдо великолепно, если соответственно его полить зелёными чернилами для вечной ручки».

Марко подумал, что это блюдо великолепно было бы вылить в помойное ведро, но не сказал вслух, боясь показаться провинциалом, который, очутившись впервые в городе, всему удивляется.

Он продолжал листать меню, отмечал про себя наиболее интересные названия.

«Свинные ножки с отмычками в соусе из задвижки».

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4—5 за 1965 г.

«Подпорки колченогого столика».

«Цинковые пластинки поцыгански».

«Суп с фаршированными кирпичами».

— Интересно, чем они фаршированы?— спросил Марко у своего улыбающегося проводжатога. — Может быть, скорлупой от каштанов, или радиолампами? Особенно я люблю последние.

Маркус не смутился.

— Фаршированные кирпичи очень вкусные, — сказал он. — Но я понимаю, наше меню тебе не внушает доверия. Дело в том, что мы привыкли есть всё: железо, уголь, цемент, стекло, дерево; мы перевариваем гвозди, молотки, клещи, и в желудке у нас не застревают даже телефонные провода. Всё съедобно на нашей планете.

— В таком случае я удивляюсь, как это до сих пор существуют города. Почему вы не съели дома вместе с окнами и дверями?

— Тогда бы нам пришлось спать в тарелках и кастрюльках, а друзей принимать в суповой миске.

Маркус добавил:

— У тебя ещё не пропал аппетит?

— Совсем наоборот. Знаешь, на прошлой неделе мы с мамой ходили к врачу, тот нашёл меня довольно хилым и велел принимать железо. Мне пришлось пить сироп, от которого стошнило бы даже мышь во время осады Иерусалима, где, как тебе известно, был страшный голод. Раз здесь же-

лезо съедобно, я закажу себе из него бифштекс.

Подошёл официант — автомат с шестью парами рук, просунутых во столько же рукавов белой куртки. На каждой руке у него висело по салфетке. Всего двенадцать салфеток. Он внимательно выслушал заказ и убежал, чтобы вернуться вскоре с руками, нагруженными тарелками.

Бифштекс из железа был очень нежным и ароматным, словно пудинг. Марко очистил тарелку в мгновение ока.

— Тебе следовало взять триштекс, — заметил Маркус, который себе заказал обычный кофе с молотком и полено.

Марко решил попробовать ещё кирпичный суп и обнаружил, что фарш был приготовлен из пасты для шариковых ручек и табачного пепла.

Выпив рюмку ликёра (Марко уверял, будто он пахнет апельсинами, но Маркус объяснил, что это смесь дождевой воды и старого машинного масла, хранящегося в специальных бочках, сделанных из железнодорожных шпал), мальчики встали и направились к выходу.

— А кто будет платить?— спросил Марко, когда они очутились у двери.

— Платить?!— переспросил в свою очередь Маркус. — Опять это слово. Здесь оно не принято. Разве тебе неизвестно?

— О, я уже обратил на это внимание, когда ты взял для старика сигары, — усмехнулся наш серенианец. — Сидеть в

ресторане, вытирать рот салфеткой и автомат...

— Благодарю. Заходите почаще, — именно в эту минуту

сказал автомат, отвешивая глубокий поклон.

— Мы будем навещать вас всякий раз, когда попадём в

эти края, — любезно согласился Маркус, пожимая ему одну за другой двенадцать рук.

— Не обижайте меня, — снова сказал автомат. — Сейчас слишком большая конкуренция. Видите? В ресторане почти пусто.

— Мы обязательно зайдём сегодня вечером, — пообещал Маркус, как бы желая его утешить.

Мальчики решили не подниматься на движущийся тротуар, а пройти пешком по тихим боковым улочкам, не слишком оживлённым, но всё равно нарядным, украшенным сотнями новогодних ёлок, больших и маленьких, установленных даже на крышах. Теперь Марко казалось, будто он гуляет под одной громадной ёлкой; он часто ударялся головой то в серебряный колокольчик, то в один из тех предметов без головы и без хвоста, которые можно увидеть только на новогодних ёлках, — предметов, не имеющих другого смысла и другой цели, кроме как создавать весёлое настроение.

— Муниципалитет, должно быть, потратил массу денег на все эти украшения, — сказал он.

— Муниципалитет не потратил ни одного сольдо. К тому же у нас нет денег. Ёлки здесь прямо так и растут с украшениями. Вот смотри!

Всмотревшись повнимательнее, Марко обнаружил, что маленькие лампочки, колокольчики, шарики и т. п. в самом деле цвели прямо на ветках, словно фрукты, каждый на своём стебельке.

— И они цветут в Новый год? — спросил он.

— Они всегда цветут. У нас каждый день Новый год, я ведь тебе уже говорил.

— Значит, ваша планета действительно планета новогодних ёлок, — заключил Марко. И ему стало обидно за свою старую Землю, где подобные деревья не цвели с незапамятных времён, где кирпичи были несъедобны и где в трактории, если посидеть в субботний вечер и есть продукты, принесённые с собой из дому, приходилось платить даже за бумагу, разостланную на столе.

«С какой стороны Земля? Сверху? Снизу?»

Воздух становился всё более мягким и тёплым, пропитанным нежными ароматами.

— Вам здорово повезло, — сказал Марко. — Здесь не только всегда Новый год, но и вдобавок всегда весна.

Маркус наклонился, подобрал на кончиках пальцев немножко пыли и предложил

товарищу её понюхать. Пыль пахла ландышем.

— Да это же пудра! — воскликнул Марко.

Красноватое облако между тем в несколько секунд заволокло добрую половину неба.

— Но, — сказал Марко, словно обрадовавшись, — сейчас ты увидишь, как и в вашей стране чудес разразится гроза.

Однако облако рассеялось, и посыпались с грохотом миллиарды разноцветных конфетти. Ветер, подгонявший их в разные стороны, образуя вихри, благоухал анисом, черешней, мандаринами.

— Мы вдыхаем конфеты в порошок, — заметил Марко.

— Да, — подтвердил Маркус. — Машины, образующие тучи, предварительно наполняют их ароматами. Когда-нибудь, если захочешь, я сведу тебя посмотреть Центральную службу погоды.

Конфетти плавно ложились на голову и на одежду. Пару таких конфетти Маркус положил себе в рот. Марко последовал его примеру, помня о том, что всё на этой планете съедобно. Оказалось, это были настоящие мятные конфеты.

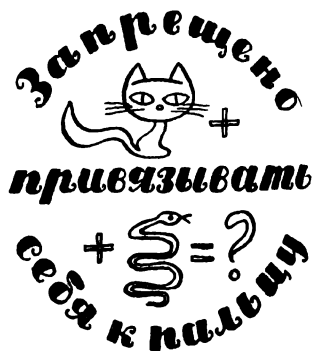
Стоило открыть рот, и они сами в него попадали; конфеты ложились на язык и тотчас же таяли. Туча быстро прошла, на земле остался тонкий слой конфет, а в воздухе ещё больше заблагоухало. На ветки новогодних ёлок конфеты легли сотнями; птицы прилетали клевать их и весело щебетали.

Зрелище показалось Марко

несколько слащавым, даже неприятным.

— Это страна для девочек, — вывалось у него.

И, чуть не разозлившись, про себя решил, что неплохо бы посетить Большой Базар Спаккотутто и излить свои чувства, уничтожив парочку шкафов.

Они свернули на небольшую площадь, окружённую высокими сверкающими белизной стенами. Сверкающими белизной в кавычках, поскольку белые стены сплошь были покрыты рисунками и длинными надписями, сделанными цветными карандашами. В одном месте старичок писал на стене зелёным мелом. Полдюжины любопытных время от времени что-то подсказывали ему.

В нескольких шагах от этой группы девушка писала, по-видимому, письмо, так как начиналось оно со слова «ДОРОГОЙ», нарисованного громадными буквами.

Марко и Маркус тоже подошли к старичку и прочли то, что он написал:

«Строго запрещено привязывать себя к пальцу. У кого есть соломенный хвост — просьба его обрезать,

Пусть будет счастлив тот, кто это прочтёт».

— Он пишет плакаты, — объяснил Маркус, — Все могут

писать плакаты. Раньше город был заполнен не такими плакатами: запрещается одно, запрещается другое... Теперь уже не знают, что запрещать, ведь люди не делают ничего плохого, особенно, когда ничего не запрещается. А если кому-нибудь захочется плакат, он пишет себе его сам и пишет всё, что ему вздумается. Эти стены существуют специально для того, чтобы на них писали и рисовали. Когда стена целиком заполнена рисунками и плакатами и нет места для других, её снова покрывают белой краской.

Внезапно раздались аплодисменты. Люди спешили позжать руку старичку и поздравить его с последним плакатом, который гласил:

«Щедрое вознаграждение — будь я не я! тому, кто скажет, чему равняется кошка плюс змея».

Разочарованный Марко перевёл взгляд на девушку, ту, что писала письмо голубым мелом:

«Дорогой прохожий, если тебе тоскливо, подумай обо мне: именно сегодня я влюбилась в доктора Филибертуса и счастлива также за тебя. Подпись: Мелания, преподаватель математики и физики».

Если учительница пишет на стенках, — усмехнулся Марко, — то что же должны делать её ученики?!

Долго не раздумывая, он схватил кусок чёрного мела и написал:

«Вождям этой планеты: молодцы, нечего сказать. В Риме вас

оштрафовали бы. И когда вы отпустите меня домой? Марко»

Раздался смех, словно внезапно полил ливень. Марко заметил, что толпа покинула старичка и теперь развлекается у него за спиной.

— Над чем они смеются?

— Над запятой, — сказал, сжалившись, Маркус. — Ты поставил после подписи запятую. Бедняжка, конечно, не переживёт.

— Тогда вы устройте ей похороны, — проворчал Марко, покидая площадь.

Они очутились среди шумного скопления народа. Оркестр отдыхал на перекрёстке четырёх улиц: на шее у музыкантов висели инструменты, а сами они беседовали друг с другом, вероятно, в ожидании знака дирижёра. Марко, однако, заметил, что центром всеобщего внимания был не оркестр, а стеклянная урна, мимо которой проходили многочисленные граждане. Все останавливались возле урны и бросали в неё записки.

— Понятно, — произнёс Марко, — они голосуют.

Маркус улыбнулся, но ничего не сказал. К самой урне подвели ребёнка с завязанными глазами; он вытащил из урны записку и протянул её своим провожатым. Наступила мёртвая тишина, и вдруг кто-то отчётливо произнёс имя:

— Этельредус Арифреддус Боллатус!

Раздалось громкое «ура!» Оркестр заиграл весёлый марш, и здоровенный мужчина, раскрасневшийся от волнения, выступил вперёд и принялся пожимать всем руки. Автомат-рабочий достал из мешка табличку, написал на ней несколько слов, потом взобрался по лесенке и прикрепил табличку к стене.

«Корсо Этельредус Арифреддус Боллатус», — прочёл Марко.

Рядом старичок даже не пытался скрыть своего недовольства:

— Семь недель я участвую в конкурсе на это корсо и всё мне не везёт. Лучше уж я вернусь к переулку, номер сорок пять; там моя очередь совсем близко: когда-нибудь ведь должно повезти.

Так Марко узнал, что на планете новогодних ёлок названия улиц, переулков и площадей выбирались по жребию среди граждан. Жребий бросали каждую неделю, чтобы удовлетворить как можно больше желающих.

Само собой разумеется, кто не хотел, вовсе не обязан был участвовать в конкурсе. А те, кто принимал участие, делали это скорее в шутку, чем из

тщеславия. На Земле, по мнению Марко, они покупали бы лотерейные билеты и по крайней мере могли бы надеяться выиграть много денег.

Он попытался объяснить Маркусу разницу, но смутился и не сумел.

— Много денег? — спрашивал Маркус. — А зачем? Что с ними делать?

Марко чертыхнулся.

— Хватит, — сказал он. — Иногда вы тут кажетесь мне прямо ненормальными.

И, желая излить возмущение, пнул ногой банку. Только сделал он это напрасно: банка была резиновой. Маркус объяснил ему необычайно терпеливо, что муниципалитет выпустил некоторое количество резиновых банок в угоду детям, которым время от времени хочется пнуть ногой банку по дороге в школу или обратно. От резиновых банок не страдали ни ноги, ни туфли.

Наступил вечер, и новогодние ёлки зажглись миллионными разноцветными огнями.

— Ночью витрины тоже открыты?

— Конечно, а зачем их закрывать? Представь, вдруг тебе ночью понадобилась пара туфель, пишущая машинка или холодильник...

«Если они воруют днём, — подумал Марко, — воображаю, что творится ночью». Но вслух ничего не сказал.

Он устал, и гораздо больше, чем спорить, ему хотелось спать. Дедушка, деревянная лошадка, путешествие, странности планеты новогодних ёлок — всё, что он видел и испытал в тот день, перемешалось у него в голове и кружилось, словно чересчур быстрая карусель. Он послушно поплёлся вслед за Маркусом по движущемуся тротуару, приткнулся на скамейке и уснул ещё до того, как успел закрыть глаза.

Проснувшись, он увидел, что сидит один на кровати в большой освещённой комнате, а в ушах у него невыносимый гул.

— Снова архипсы, — с досадой заметил он. Но не успел расслышать звука собственного голоса, как неистовый лай возвестил о том, что один из архипсов лежит, по-видимому, прямо на крыше.

Да, кстати, а на какой крыше? Марко не имел ни малейшего представления о том, где он находится. Его старая красная пижама висела на спинке стула. Мальчик взглянул себе на плечо и обнаружил, что на нём голубая пижама. Кто-то привёл его сюда, раздел, уложил в постель, а он даже не заметил. Это его не удивило: сколько раз, открывая глаза, он видел, как солнце заглядывает к нему в комнату на шестом этаже дома, населённого рабочими в Тестаччо, хотя всего минуту назад — так, по крайней мере, казалось ему — он играл с дедушкой за кухонным столом.

Постель была мягкой. Комната чистой и нарядной. На ночном столике стоял телефон. Марко протянул руку и машинально погладил трубку. Жаль, он не знает никого, кому бы можно было позвонить!

Архипсы, с истощным лаем сновали взад и вперёд по крыше. Нечего было и думать о том, чтобы снова уснуть.

— Но кто им мешает сбить этих отвратительных животных при помощи истребителей или же зенитной артиллерии, — пробурчал про себя Марко, надевая домашние туфли.

Он открыл дверь и очутился в соседней комнате, где тоже стояла неприбранная постель. Здесь мог спать Маркус, но следов его не было.

— Маркус! — позвал он, выглядывая в коридор.

Только эти две комнаты занимали верхний этаж. Деревянная лесенка вела в зал, ко-

торый, казалось, занимал весь низ.

— Маркус! — снова позвал Марко.

На сей раз он услышал собственный голос, но никто ему не ответил.

Он спустился в зал, принял-ся лениво расхаживать между креслами и диванами, взял яблоко с вазы и поднёс его к губам. В одну из стен был вставлен белый экран. Маленькая чёрная кнопка под ним производила впечатление регулятора. Марко нажал её, и тотчас же экран осветился. Появились чудовищные силуэты архипсов, которые полчищами проносились в небе над городом.

— Они улетают, — сказал кто-то в зале.

Марко сразу обернулся. Автомат, закутанный в жёлтый халат, смотрел на него, улыбаясь своими фосфоресцирующими глазами, одновременно занимаясь тем, что Марко назвал бы, если бы речь зашла о его бабушке, а не об автомате, «вязаньем».

— Изоляционный вязаный шлем, — добродушно объяснил

автомат, заметив, куда направлены взгляды Марко. — Если будут ещё налёты, я не услышу шума. Но, надеюсь, больше налётов не будет.

— Тогда зачем ты его вяжешь?

— Не могу сидеть без дела. Я автомат-прислуга, а в этом доме очень мало работы. И потом я люблю вязать. Вы серианинец, не правда ли? Простите за любопытство. Мне об этом сказал ваш друг. Вы спали так крепко, что нам пришлось раздеть вас и уложить в постель.

— Куда ушёл Маркус?

— Не знаю. Он ушёл и сказал, что вряд ли вернётся, и поручил мне приготовить вам завтрак.

«Да, повезло, — подумал Марко. — Из рук малыша в руки автомата. Меня бросают из рук в руки, словно баскетбольный мяч!»

Болтая явно с удовольствием, автомат продолжал вязать.

— Это дом Маркуса? — спросил Марко.

— Нет, это мой дом! Не в буквальном смысле, конечно: у меня таких домов дюжина. Люди приходят и уходят, и только я здесь нахожусь постоянно хотя бы для того, чтобы сделать уборку. У меня есть некоторое основание считать их своими, не правда ли?

«Атака архипсов закончилась, — объявили в этот момент по телевидению. — Наши передачи продолжают. Слушайте концерт кастрюлек и крышек».

Марко повернул ручку, и в комнате снова наступила ти-

шина. Но автомат вскоре нарушил её:

— Вам бы лучше вернуться в постель, — сказал он. — Видно, вы привыкли спать ночью. У нас, знаете ли, каждый спит, когда хочет, и гуляет, когда хочет.

— А когда работают? — спросил Марко.

— Когда хотят, — ответил не задумываясь автомат. — У нас все сколько угодно работают и сколько угодно отдыхают. Кроме автоматов, конечно. Мы трудимся день и ночь.

Но нам это доставляет удовольствие: ведь мы созданы для труда. А люди располагают временем полностью по своему усмотрению.

— А как они зарабатывают себе на пропитание?

— Общественные рестораны всегда открыты, — ответил удивлённый автомат.

— А кто приготавливает пищу?

— Машины. Всё делают машины, и теперь они до того умные, что за ними не надо даже наблюдать: машины строят дома, шьют туфли, приводят в действие телевизионные камеры, моют посуду. Нам, машинам, составляют конкуренцию...

Марко зевнул.

— Послушайте меня, — снова сказал автомат. — Ложитесь спать. Если вам будет не уснуть, наберите по телефону номер семнадцать, и вам расскажут чудесную сказку.

Скорее из любопытства, чем из желания спать, Марко вер-

нулся к себе в комнату, набрал по телефону номер 17 и приложил трубку к уху.

«Жил-был некогда, — услышал он, — безногий принц. Королева, его мать, потеряла голову и в поисках её выбрасывала на ветер шкафы и сундуки и никак не могла успокоиться. Король смеялся, ведь у него-то голова осталась, но только с небольшим кусочком шей, а ниже шеи ничего не было: ни пиджака, ни брюк. Первый министр был меланхоликом: от лица у него сохранился только нос, а от всего остального корпуса один лишь жилет...»

— Хватит, — проворчал Марко, вешая трубку. — Пойду-ка я лучше прогуляюсь.

Услышав, что Марко спускается по лестнице, автомат выглянул из кухни.

— Вы вернётесь сюда ночевать? — спросил он.

— Откровенно говоря, не знаю.

— Если вы пообещаете вернуться, я сохраню для вас комнату. Но вы можете найти тысячи свободных комнат где угодно.

Марко задумался.

(Продолжение следует)

Океан, корабли, мореходы

В 1957 году в Москве проходил VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В программу фестиваля была включена также и Международная филателистическая выставка. Свои коллекции на эту выставку прислали филателисты из многих стран мира. Марок прибыло так много, что организаторам фестиваля пришлось задуматься, где их разместить. Наконец остановились на огромных залах Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

Это была очень интересная выставка. Но мне больше всего понравилась коллекция одного француза. Этот упорный и настойчивый филателист уже много лет собирал почтовые марки всего мира, на которых были изображены всевозможные корабли. И таких почтовых знаков он собрал около трёх тысяч.

Приятно и очень интересно было рассматривать марки этого собирателя. Тут можно было увидеть пирог жителей Полинезии, ладьи и кочи древних русских поморов, римскую галеру, рыболовные трау-

леры и сейнеры, суда китобойной флотилии, грозные, ощерившиеся дулами тяжёлых орудий крейсеры, белоснежные лайнеры и причудливые по своей форме танкеры, перевозящие нефть...

Да, этот француз не зря тратил время. Его коллекция была признана одной из лучших, и он был награждён жюри ценным призом. С тех пор прошло восемь лет. За это время во многих государствах снова выходили марки с изображёнными на них кораблями. А если к ним добавить и другие марки, имеющие отношение к морю, — портреты знаменитых мореплавателей, порты и бухты, марки с крохотными географическими картами архипелагов, отдельных островов, проливов, крупнейших каналов, марки с воспроизведёнными на них морскими картинами известных художников, то таких почтовых знаков в настоящее время наберётся более четырёх тысяч. Вот где простор для настойчивого и любопытного коллекционера!

Ведь каждая марка такой интересной коллекции — это увлекательный рассказ о каком-нибудь подвиге мореплавателя, о знаменитом путешествии, о географическом открытии, о выдумке и находчивости кораблестроителей.

Два года назад в Польше была выпущена серия марок с рисунками различных парусных судов. По маркам можно проследить, как с незапамятных времён человек постепенно улучшал способы передвижения по воде. На первой мар-

ке этой серии художник изобразил египетский корабль, плававший по морям три с половиной тысячи лет назад. Археологи нашли древний рисунок этого корабля, высеченный скульптором на колонне одного из древнеегипетских храмов.

На другой марке мы видим судно финикийцев, которые, как известно из истории, были очень опытными и бесстрашными мореходами. Польская почта выпустила марки с воспроизведёнными на них судами скандинавов, арабов и других народов, живших на берегах морей и океанов.

Много выпущено марок, посвящённых знаменитому Колумбу, открывшему Америку. Хотя теперь доказано, что американских берегов достигали некоторые мореходы ещё до Колумба, всё же этот великий путешественник первым привёз весть в Европу об открытых им землях.

Марки с портретом Колумба изданы во всех странах, находящихся в Северной и Южной Америке. Их выпускали и продолжают выпускать не только такие большие государства, как США, но и маленькие — Коста-Рика, Гватемала, Эквадор, Доминиканская Республика и многие другие. И, конечно, марки с портретом Колумба выпустили такие страны, как Италия (Колумб был итальянцем из Генуи) и Испания, которая предоставила мореходу три корабля для задуманного им путешествия.

На марках можно увидеть и эти три корабля, составлявшие флот Колумба. Первый — «Санта-Мария», адмиральский корабль, на котором находился сам Колумб. Это — каравелла (по-итальянски — лодка с парусом). Длина «Санта-Марии» была 30 метров, а водоизмещение около 280 тонн. Второй корабль «Пинта» был гораздо меньше — всего 120 тонн водоизмещения, а третий совсем малышка — «Нанья», что и в переводе означает «Малютка», — 90 тонн водоизмещения. Команда трёх кораблей состояла из 90 человек.

Марок, посвящённых Колумбу и

его путешествию, так много, что из них можно составить самостоятельную коллекцию. Некоторые филателисты называют её «Колумбианой».

Многих коллекционеров-маринистов (собирающих марки на морские темы) особенно привлекают почтовые знаки с запечатлёнными на них арктическими путешествиями и открытиями. Таких марок немалое количество выпустила и наша советская почта.

В 1948 году у нас вышла марка, на верхней кромке которой напечатано: «300-летие открытия С. И. Дежневым пролива между Азией и Америкой». Вглядитесь внимательно и вы увидите на марке небольшой парусник, рассекающий седые волны. Такой парусник в старину назывался кочем. Сделан он из дерева. Вот на таком деревянном судёнышке отважный мореход Семён Иванович Дежнев и его товарищи спустились вниз по реке Колыме, вышли в Ледовитый океан. Сквозь забитые льдами морские просторы коч Дежнева пробивался на восток и в конце концов достиг пролива, разделяющего Азию и Америку. Много горя и лишений довело испытать русским мореплавателям. Недаром позднее знаменитый норвежский путешественник Фритьоф

Нансен сказал: «На деревянных кораблях могут плавать только железные люди».

Мы упомянули имя Фритьофа Нансена. Есть марки, посвящённые и этому великому следопыту и мореплавателю. Они выпущены в Норвегии и в СССР. Это был тоже железный человек, не знавший никакого страха. Мы помещаем советскую марку, посвящённую столетию со дня рождения Нансена. Справа от портрета помещён его корабль «Фрам» (по-норвежски — «Вперёд»). Нужно было доказать, что гигантские ледяные поля, покрывающие центр Ледовитого океана, не стоят на одном месте, а постоянно дрейфуют в различных направлениях. Но как доказать? Нансен пошёл на север, наступила полярная зима, «Фрам» был скован льдами. И вместе с ними он совершил небывалый по героизму и тяжести трёхгодичный дрейф. Вырвавшись из ледового плена, «Фрам» возвратился в Норвегию.

Нансен совершил ещё много других интересных путешествий.

«Фрам» также не бездействовал. Другой знаменитый норвежец Руаль Амундсен совершил на нём путешествие к берегам Антарктиды. Высадившись на лёд, Амундсен на лыжах и на собаках в 1911 году достиг Южного полюса, опередив англичанина Роберта Скотта, так-

же спешившего достигнуть этой заветной точки на земном шаре. Амундсен возвратился благополучно, а Скотт и его три товарища погибли во льдах Антарктиды.

«Фрам» существует и поныне. В столице Норвегии Осло для него сделан специальный защитный шатёр. Здесь и находится на вечной стоянке этот исторический корабль, которым гордится каждый норвежец. А рядом с «Фрамом» хранятся также поднятое с морского дна суденышко древних норманов и знаменитый плот «Кон-Тики», о котором вы, вероятно, уже не раз читали.

А кто же первым достиг берегов ледяного материка, суровой и холодной Антарктиды? И об этом может рассказать почтовая марка, выпущенная у нас в 1950 году. В верхних углах ее помещены портреты двух знаменитых русских военных моряков Фаддея Беллингаузена и Михаила Лазарева. Это они 145 лет назад на шлюпах «Восток» и «Мирный» отвалили от Кронштадта и после многих дней плавания первыми увидели ледяные берега Антарктиды.

В 1931 году в Арктике, у берегов самого северного в мире архипелага — Земли Франца-Иосифа — произошла необыкновенно интересная встреча. Она изображена на марке, которую вы видите на страницах «Искорки». В бухте Тихой среди льдов стоит пришедший сюда советский ледокол «Малыгин», а над ним повис в воздухе гигантский дирижабль «Граф Цеппелин». Об этой встрече договорились заранее. Дирижабль совершал большой полёт над арктическими просторами. На его борту было много мешков с письмами. Эти письма были посланы филателистами многих стран. На борту «Малыгина» также было большое количество почты, посланной коллекционерами. Для чего же посылались эти письма? А вот для чего: когда дирижабль долетел до полярной стоянки «Малыгина», открылся люк и начали спускать на ледокол мешки с почтой. В свою очередь на ледоколе подцепили свои мешки с письмами и отправили на

борт дирижабля. И на корабле, и на дирижабле письма погасили специальными полярными почтовыми штемпелями. Вот ради этих штемпелей коллекционеры и посылали свои письма в Арктику. На каждом конверте был надписан обратный адрес отправителя, и вскоре все они получили свои письма с очень редким штемпелем.

Когда «Малыгин» взял курс к берегам родной земли, полярную тишину прорезал продолжительный басовитый гудок ледокола. Это был почётный салют знаменитому герою — путешественнику Георгию Яковлевичу Седову, похороненному на Земле Франца-Иосифа. Лейтенант русского флота, он был начальником экспедиции, которая должна была достигнуть Северного полюса. Царское правительство не оказало никакой помощи отважным полярникам. И всё же Седов был уверен, что полюс будет достигнут. Тяжело больной, он покинул борт корабля и с двумя матросами пошёл на Север. Смерть сразила его в пути, и Арктика стала могилой героя. В честь 75-летия со дня рождения Седова была выпущена специальная почтовая марка.

Имя героя было присвоено одному из ледокольных пароходов нашего полярного флота. «Георгий Седов» в конце октября 1937 года, находясь в Арктике, был скован льдами. Начался тяжёлый дрейф, продолжавшийся в 1938 и 1939 годах и закончившийся только 13 января 1940 года. Команде «Георгия Седова» пришлось проявить огромное мужество, чтобы выдержать этот полный смертельных опасностей дрейф, когда корабль в любой час мог быть раздавлен сжатием ледяных полей. Но советские моряки с честью вышли из тяжёлого испытания, не только уцелели сами, но и спасли свой корабль. Всем членам экипажа было присвоено звание Героя Советского Союза. В честь седовцев была выпущена специальная серия марок, одну из которых мы помещаем здесь. На ней изображена карта легендарного дрейфа и портреты пятнадцати Героев

Советского Союза — членов экипажа «Георгия Седова».

Тридцать лет назад советская почта выпустила серию марок, которая теперь является очень редкой. Она посвящена первым Героям Советского Союза — лётчикам, спасшим более ста людей, высадившихся на льды Чукотского моря после того, как был раздавлен ледокольный пароход «Челюскин». На первой марке этой серии помещён портрет известного полярного капитана Владимира Воронина — командира «Челюскина». Этот корабль летом 1933 года вышел из Ленинграда, обогнул берега Скандинавии, прошёл мимо самого северного мыса Европы Норд-Капа (Норвегия) и оказался в полярных водах. «Челюскин» должен был в одну навигацию пройти Северным морским путём вдоль сибирских берегов и достигнуть пролива, когда-то открытого Дежневым. Необыкновенно ранние морозы заставили «Челюскина» зазимовать в морях Арктики, где он и был раздавлен льдами. Но советские люди не потеряли мужества. Вся страна пришла им на помощь.

С триумфом героин-лётчики и челюскинцы возвратились на родную землю.

В 1938 году вышла в свет интересная серия советских марок, посвящённая знаменитой папанинской экспедиции. В мае 1937 года советские самолёты доставили на Северный полюс четырёх полярников — Ивана Папанина, Петра Ширшова, Евгения Фёдорова и Эрнеста Кренкеля. Самолёты улетели, а четвёрка смельчаков осталась на льдине. Так начала работать первая в истории научно-исследовательская дрейфующая станция «Северный полюс». В наши дни во льдах Центральной Арктики дрейфует уже станция «Северный полюс-14».

После десяти месяцев дрейфа папанинская льдина при сжатии была разрушена на мелкие куски. Станция «Северный полюс» оказалась на крохотном ледяном «пятачке». Сразу же из Мурманска для спасения папанинцев вышел один из самых старых в нашей стране небольшой ледокол «Таймыр». Следом за ним отвалил ледокольный пароход «Мурман». А из Ленинграда спешил могучий ледокол «Ермак», построенный по проекту знаменитого русского героя адмирала Макарова.

На марке показана сцена встречи четырьмя папанинцами подошедших к льдине «Таймыра» и «Мурмана». В той экспедиции по-счастливилось принять участие и мне — корреспонденту «Ленинградской правды». Вполне понятно, что эта марка мне, старому филателисту, особенно дорога.

Дедушка русского ледокольного флота «Ермак» встретил нас в центре Гренландского моря, и папанинцы, находившиеся на борту «Таймыра» и «Мурмана», перешли на более мощный и удобный для пребывания героев корабль.

«Ермак» также попал на почтовую марку. Она была выпущена в честь великого изобретателя радио Александра Попова. На марке запечатлён интересный эпизод, когда по радио «Ермак» принял впервые раздавшийся в эфире сигнал «SOS». Это сигнал бедствия, который был дан в связи с тем, что от припая оторвало льдину с находившимися на ней рыбаками. Приняв сигнал, «Ермак» поспешил на выручку и спас людей.

Теперь уже не видно в полярных льдах могучего «Ермака». Его сменил другой, более мощный сказочный богатырь атомоход «Ленин». С огромной силой таранит, давит и режет он вековые льды Арктики. Атомоход «Ленин» изображён не только на советских, но и зарубежных марках. Мы помещаем румынскую марку с изображением полярного исполина.

Существует корабль, которому особенно повезло в филателии. Он много раз воспроизводился на почтовых марках СССР и зарубежных стран. Это легендарный крейсер революции «Аврора». «Аврору» можно увидеть на марках Болгарии, Чехословакии, Польши и других стран. Болгарская марка, которую вы видите, запечатлела момент, когда шестидюймовое баковое орудие крейсера стреляет по Зимнему дворцу.

Многие коллекционеры отдельно собирают марки, на которых воспроизведены картины, гравюры,

скульптуры, посвящённые морю, морякам, кораблям. Интересен также раздел развития судостроения. Конечно, первое место здесь принадлежит марке с портретом изобретателя парохода Роберта Фультона. Такие знаки выпущены в ряде государств. Особенно интересна венгерская марка, где справа от портрета изобретателя художник поместил гигантский лайнер, а у его ватерлинии еле заметный знаменитый первый колёсный пароход Фультона «Клермонт». В этот же раздел можно поместить французскую марку с изображением пассажирского гиганта «Нормандия». Этот лайнер был награждён голубой лентой за рекордное время, в

которое он проходил Атлантику между французским городом Гавром и Нью-Йорком. Печален конец «Нормандии» — она погибла в результате пожара.

Листая альбомы с коллекцией «Океан, корабли, мореходы», как бы совершаешь захватывающие путешествия на борту исторических судов, вместе со знаменитыми мореходами попадаешь в самые неизведанные уголки планеты, знакомишься с достижениями современной морской техники. Морская тема в филателии действительно одна из самых увлекательных и даёт много радости любознательным собирателям марок.

Э. МИРОНОВ

ПОД ПАРУСАМИ

(НАСТОЛЬНАЯ ИГРА)

Кто из мальчишек не мечтает о море!.. Кого не манят белые паруса!.. Спросите любого: кто готов! Все! Хоть сию минуту. Но не торопитесь. Море любит смелых и не терпит выскочек. К плаванию нужно хорошенько подготовиться. Прежде чем поднять парус, надо знать, как действует на него ветер, что такое «фор-девинд», «бакштаг».

Давайте-ка начнём пока с плавания посуху. Начнём с игры. Сделаем её и сыграем.

КАК СДЕЛАТЬ

Возьмите лист плотной светлой бумаги размером 50×50 см и начертите на нём большой квадрат 48×48 см, оставляя по краям каёмочку в 1 см. Теперь внутри квадрата через каждые 4 см проведите без нажима 11 вертикальных и 11 горизонтальных линий. В каждом квадратике проведите косые линии с угла на угол.

На рисунке № 1 показано поле игры в $1/16$ натуральной величины. Внимательно разглядите рисунок и затем, взяв резинку, счистите центр игрового поля, места будущих островов, буёв, старта и финиша, и таблицы «Ветер и скорость хода» (согласно рис. 1).

В центре нарисуйте большой остров с кругом внутри (диаметр круга — 8 см). Это — круг «розы ветров». Обозначьте в нём стороны горизонта: N («норд»), O («ост»), S («зюйд»), W («вест»). Сам остров может иметь произвольную форму и окраску, но не должен выходить из указанных пределов.

На востоке и на западе от центрального нанесите на вашу «карту» ещё по два острова (тоже произвольной формы, но обязательно в заданных пределах).

Далее наметьте 4 кружка (диаметром по 2 см) с разных сторон центрального острова. Это — буи на дистанции гонок.

Внизу под островом начертите схему «Ветер и скорость хода» (как показано на рис. 1).

На игровом поле отметьте четыре опасные зоны. Расположены они за буями по направлению к углам поля и обозначены более жирными линиями. Сделайте так, чтобы каждая опасная зона заметно выделялась. При раскраске обозначьте зоны красным карандашом, а их центральные (осевые) линии сделайте разноцветными и более яркими.

Цветными должны быть и круги старта и финиша (диаметр их 1,5 см). Средний кружок старта и средний финиша — оба красные. На старте выше его — синий

кружок: ниже — зелёный; на финише на оборот: синий — внизу от красного, зелёный —верху.

Буи прочертите ещё раз тёмным карандашом, внутри каждого кружка сделайте красную решётку и на ней обозначьте порядковый номер буя. Буй ближайший от старта — № 1 и так далее.

Поле игры готово. Приступаем к «строительству» яхт. Сделать их можно из картона, из дерева, отлить из свинца, слепить из пластилина. Чем тяжелее материал, тем устойчивее будет яхта. Дно её должно быть совершенно плоским. Мачту можно сделать из тонкой проволоки, обыкновенной булавки, бамбуковой тростинки. Парус — из прочной бумаги, тонкой жести. Размеры яхты: длина — 2 см, высота (с парусом) — 2 см. Одну яхту сделайте зелёной, вторую — красной, третью — синей.

На рисунке 2 изображён и флаг. Основание флаштока в виде купола легко получается из кружка толстой резины, пробки. Флашток — из жёсткой проволоки (длина до 5 см). Сам красный флаг — из плотной бумаги.

Теперь нужно сделать маленький деревянный кубик с абсолютно равными гранями. На четырёх гранях напишите цифры: 1, 2, 3, 4. Две последние оставьте чистыми.

Кубик служит только для определения аварий в зоне опасности.

Остались только билеты. Их проще всего сделать из картона. Все три билета внешне должны быть совершенно одинаковыми. На одной стороне каждого — цифры: 1, или 2, или 3.

К игре всё готово.

КАК ИГРАТЬ

1. В игре участвуют три человека — три рулевых.

2. Перед заездом рулевые проводят жеребьёвку (тянут билеты). Билет № 1 даёт право выбора любой яхты и право первого хода. Рулевой, вытянувший билет № 3, получает оставшуюся яхту и ходит последним; но зато ему предоставляется право объявить на весь заезд любой ветер из четырёх возможных и вернуть флаг по направлению ветра.

Пример: объявлен ветер «вест» (западный). Флаг должен вытянуться в противоположную сторону, т. е. его надо повернуть на «ост».

3. Каждый рулевой сам прокладывает курс своей яхты и может вести её по любым линиям игрового поля, обходя ост-

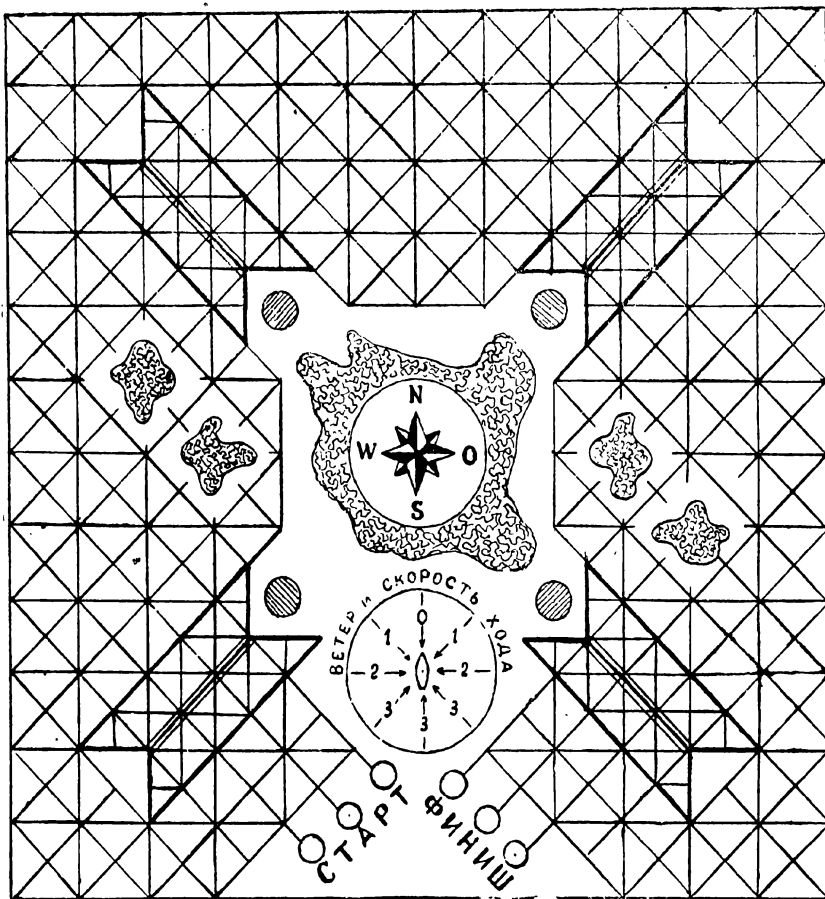

Рисунок 1-й

рова с любой стороны. Разрешается обходить и любую опасную зону.

4. Каждая яхта финиширует обязательно на кружок своего цвета. Это обеспечивает равные возможности всем рулевым. Если все яхты достигнут финиша в том же порядке, в каком они вышли со старта, и с тем же первоначальным интервалом в один очередной ход, то результат заезда считается ничейным.

5. Как же ходить! На сколько линий игрового поля передвигаться с каждым ходом! Это зависит от направления ветра и избранного яхтой курса движения. После каждого поворота яхта ложится на новый курс, и, значит, скорость её движения тоже меняется в соответствии с этим новым курсом. [Это нужно твердо помнить каждому рулевому и почаще поглядывать на схему «Ветер и скорость хода»!]

6. Курс яхты — это направление её движения относительно ветра. Какие бывают курсы!

а) Фордевинд — ветер полный (в корму). Скорость — 3 хода.

б) Бакштаг — ветер попутный. Скорость — 3 хода.

в) Галфвинд — полветра (в борт). Скорость 2 хода.

г) Бейдевинд — ветер встречный. Скорость — 1 ход.

д) Положение «левентик». Если яхту повернуть носом прямо против ветра, то паруса её перестанут работать и она потеряет ход. Это и есть «левентик». Прозевал рулевой, поставил свою яхту после очередного хода в положение «левентик» — стой. Сразу переделывать этот неудачный ход нельзя. Лишь дождавшись снова своей очереди, рулевой может сделать новый поворот, после чего яхта опять «войдёт в ветер».

Теперь вам ясно, что, дождавшись своей очереди, при «фордевинде» можно ходить по прямой на три линии подряд, при «галфвинде» — на два, при «бейдевинде» — на один.

А если нужно сделать поворот! Здесь вступает в действие правило «порядка ходов».

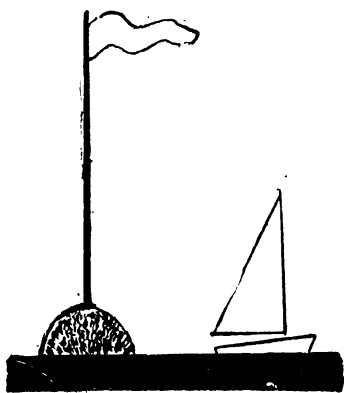

Рисунок 2-й

7. Порядок ходов:

а) За один ход считается:
— продвижение яхты на ближайшее пересечение линий;

— поворот на смежную линию.

б) За два хода считается:

— продвижение на два пересечения или продвижение на одно пересечение и поворот на смежную линию, или поворот на смежную линию.

в) За три хода считается:

— продвижение на три пересечения или продвижение на два пересечения и поворот на смежную линию, или поворот на смежную линию.

ПРИМЕЧАНИЯ. а) При любом повороте ход заканчивается.

б) При перемене курса «бакштаг» на курс «фордевинд» (или наоборот) трехходовая скорость яхты остаётся неизменной.

8. Опасная зона. Здесь яхты ждут разные неприятности. Поэтому и линии игрового поля здесь вдвое короче: не спешите, идите осторожно. Дойдя до центральной линии зоны, яхта обязана встать на ней и ждать очередного хода. Дождавшись его, рулевой бросает кубик и в дальнейшем поступает согласно «таблице аварий».

Таблица аварий:

а) Единица на кубике означает «обрыв шкота» (снасть для управления парусом). Возникает «дрейф» — яхта разворачивается

бортом к ветру, и её «сносит» на одно пересечение по направлению ветра.

б) Двойка — «обрыв фала» (снасть для подъёма паруса). Парус падает. Яхта разворачивается бортом к ветру и «дрейфует» на два пересечения по направлению ветра.

в) Тройка — «разрыв паруса». Для его починки или замены яхта становится «на якорь» (остаётся на месте аварии). Она разворачивается носом к ветру и теряет три очередных хода.

г) Четвёрка — «человек за бортом». Для его спасения яхта разворачивается на 180 градусов и следует в обратном направлении на два пересечения.

д) Чистая сторона кубика показывает, что яхта избежала аварии и может немедленно следовать дальше.

ПРИМЕЧАНИЕ. Яхта, потерпевшая аварию и отброшенная назад, вторично проходит центральную линию данной опасной зоны беспрепятственно (до следующей опасной зоны кубик бросать не надо). Если в опасной зоне одна из яхт совершит «навал» на другую (во время «дрейфа» попадёт на занятое пересечение), то эта яхта выбывает из соревнования (либо по желанию рулевого заново начинает заезд с линии старта).

ПИОНЕРСКАЯ РЕГАТА

На нашем игровом поле можно играть ещё и по-другому, в «пионерскую регату».

«Пионерская регата» — это большие парусные гонки, состоящие из 4 отдельных заездов, следующих непрерывно друг за другом.

Регата проводится по тем же правилам за исключением положения о ветре. На регате ветер будет меняться для каждого заезда в следующем порядке: первый заезд — дует «норд», второй — «ост», третий — «зюйд», четвёртый — «вест».

Победитель каждого заезда получает 3 балла; занявший второе место — 2 балла; пришедший третьим — 1 балл.

Чемпионом регаты становится тот рулевой, который наберёт наибольшее число баллов по сумме четырёх заездов.

* * *

Сделайте в лагере эту игру. Сообщите нам, как идут «гонки». Желаем «рулевым» попутного ветра!

Растут на Неве капитаны

(Подписи к фотографиям на 2-й и 3-й страницах обложки)

1. До свиданья, Ленинград! Валерий Монахов передаёт с борта корабля прощальный привет.

2. Поход начался! Первый в истории ленинградской пионерии дальний переход на собственном корабле.

3. Сколько раз в мечтах видел себя Витя Пшенин у штурвала! Весь год готовился к этому моменту, изучая штурманское дело, А сейчас волнуется. Старпом Иван Иванович Левадный подбадривает юного моряка.

4. На корабле всё должно быть надраено до блеска — таков морской закон.

5. Хороший выдался денёк! Даже дежурный по камбузу отвлёкся на минутку — полюбоваться красивым видом.

6. Чтобы не «заблудиться» в море, нужно уметь находить пеленг.

7. «Я — „Серафимович“... Я — „Серафимович“...» — Дежурный радист устанавливает связь с ближайшим портом.

8. В машинном отделении заканчивается очередной инструктаж. Юные мотористы готовы заступить на самостоятельную вахту.

9. «Есть — полный вперёд!» — Дежурный моторист Андрей Щеперин принимает команду из капитанской рубки.

10. Как не помечтать в свободную минутку! Величава, спокойна Ладога. Немного фантазии — и она превратится в неведомое, таинственное море... Не мелькнёт ли на горизонте сказочный алый парус?...

11. У кинооператоров нет свободного времени. Интересные кадры — на каждом шагу. Как не запечатлеть, например, на плёнке корабельного чемпиона?

12. Зорко всматриваются вдаль вперёдсмотрящие Миша Лебедев (слева) и Миша Андреев. Правда, не удалось им в этом походе увидеть неоткрытую страну — но это уж не их вина...

13. Твёрдой морской походной ходит Саша Сивнов вдоль борта. Посмотрите, какой у него «боцманский вид». А что, дежурство у трапа — это тоже важное дело...

Фото В. ЦЕЛИКА и О. МАКАРОВА

Василий Фетисов

Про карасика

*Самый маленький карась
забрался
по жабры
в грязь.*

*Смотрит мамочка, любя,
поругать нет силы:
— Чем отмою-то тебя,
Карасавчик милый!?*

*'А папаша спал, да встал,
закричал спросонок:
— Живо мыться вылезай,
грязный ка-ра-сёнок!*

*И поплыл
рыбёнок
мыться...
Видно, папы-то боится!*

ТЕСТЫ ЗАМЕТКИ

Есть корабли, которые остаются жить и после смерти. К таким относится и фрегат «Паллада». Первым капитаном корабля был великий флотоводец адмирал П. С. Нахимов. О кругосветном плавании фрегата рассказал в своих очерках замечательный русский писатель И. А. Гончаров.

В 1852 году «Паллада» вышла из Кронштадта. На борту фрегата находилось русское посольство во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным, которое должно было начать переговоры с Японией о торговле и о правах России на остров Сахалин. Гончаров был дипломатическим секретарём посольства. Разразившаяся Крымская война прервала переговоры. Фрегат отошёл к родным дальневосточным берегам для защиты их со стороны Тихого океана. К тому времени «Паллада» уже отслужила свой срок. Шторм возле Кейптауна и ураган в Китайском море основательно повредили корабль. В 1854 году с «Паллады» были сняты пушки и мачты и разобраны палубные строения. Вскоре, опасаясь захвата корабля англо-

СУДЬБА «ПАЛЛАДЫ»

французской эскадрой, матросы затопили фрегат.

Что же осталось от легендарного корабля? Этим вопросом заинтересовались сотрудники группы подводных исследований института «Союзморнии проект».

ные стволы. Левая сторона носа фрегата разрушена. От средней части «Паллады», где когда-то размещались 54 орудия, мало что осталось. Она разворочена якорями многих судов, почти целиком ушла в ил, и малейшее прикосновение к деревянным останкам поднимает облака мути.

К Татарскому проливу, где был затоплен фрегат, была направлена поисковая экспедиция. Поиск продолжался недолго. Примерно в ста метрах от берега на глубине 25 метров была обнаружена носовая часть фрегата. Хорошо сохранилось якорное отверстие и носовые полуportики, сквозь которые когда-то грозно проглядывали орудий-

Кормовая часть, лежащая ближе к берегу, изъедена морскими древоточцами и представляет собой отдельные зубцы, торчащие из грунта.

Участники экспедиции запечатлели останки фрегата на фотоплёнку. Эти фотографии будут как бы последней страницей очерков Гончарова.

...в Мировом океане известно 19 глубоководных впадин, глубины которых превышают 7 километров? Из них 15 находятся в Тихом океане, 1 — в Индийском и 3 — в Атлантическом.

★

...волны возникают и в больших глубинах океана? Причём немаленькие — высотой до 100 метров. Но на поверхности эти волны незаметны.

★

...самое быстрое морское течение — это Солтфjord у побережья Норвегии? Его скорость достигает 30 километров в час.

★

...у северо-восточного побережья Австралии коралловые рифы образуют барьер длиной 22 тысячи километров?

★

...Аральское море обладает исключительной прозрачностью? В заливе Чернышевского и в других местах оно просматривается на глубину 27—30 метров.

★

...самоу древнему маяку из действующих до сих пор 660 лет? Воздвигнут он на острове Нейверк в устье Эльбы. «Вечный» огонь на этом маяке поддерживался сначала дровами, потом керосином, сейчас — элентричеством.

Знаешь ли ты, что?

★

...в мае 1834 года в Петербурге было спущено на воду первое в мире судно, целиком построенное из металла?

★

...строительство первого в мире теплохода — судна, приводимого в движение двигателем внутреннего сгорания, — было закончено в Петербурге 21 мая 1903 года? Это была нефтеналивная баржа «Вандал».

★

...первым знаменитым путешественником — мореходом был карфагонец Ганнон? Ещё в 505 году до нашей эры он был послан карфагенским сенатом для колонизации земель и проплыл на своём судёнышке вдоль африканского побережья около 4500 километров.

★

...15 декабря 1911 года пятеро норвежцев во главе с Руалем Амундсеном впервые вступили на самую южную точку земного шара — Южный полюс?

★

...батискаф «Триест», сконструированный французом Пинкарром, достиг дна глубочайшей Марианской впадины, зафиксировав глубину 11 521 метр?

★

...самое раннее упоминание о морских кораблях относится к 2000—3500 годам до нашей эры? Эти корабли, снабжённые парусами и вёслами, использовались египтянами для торговли с государствами Средиземноморского бассейна.

★

...айсберг высотой в 90 метров появился в океане, вблизи американского континента, в 400 километрах от Солема (штат Массачусетс)? Он угрожает судоходству на морской трассе, соединяющей США с Европой. Следует напомнить, что при столкновении с подобной ледяной горой погибло в 1912 году крупнейшее в то время судно «Титаник» с 1500 пассажирами. Надеемся, что айсберг растает, как только достигнет тёплого течения Гольфстрим.

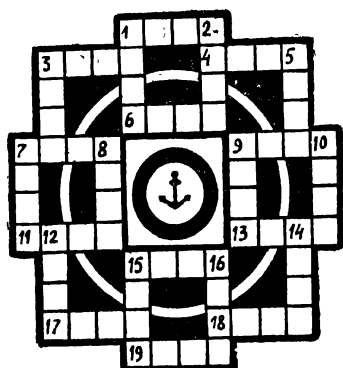
★

...первые упоминания об изобретении компаса относятся к XII веку? Но прибор этот был тогда очень примитивен и представлял собою железную намагниченную стрелку, укрепленную на пробке, плавающей в сосуде. Прототип современного компаса был изобретён итальянцем Флавио Джойя в XIV веке.

КРОССВОРД

(Составил О. НИКАНДРОВ)

По горизонтали. 1. Направление от наблюдателя на какую-нибудь точку окружности горизонта. 3. Построение войск в виде замкнутого четырёхугольника. 4. Письмо со сведениями об отправке или передвижении груза. 6. Небольшой якорь, употребляемый на шлюпках. 7. Единица измерения скорости хода корабля. 9. Малоупотребительная единица измерения угла, равная 0,04 окружности. 11. Продольное арочное крепление деревянного судна. 13. Военское подразделение. 15. Нашивка на парусе в месте наибольшего напряжения парусины. 17. Открытый, передаваемый по буквам, текст веду-

Отдел ведёт В. Акентьев

щихся переговоров. 18. Оледеневшая корка на снегу. 19. Показавшаяся из воды вершина прибрежного камня.

По вертикали. 1. Место якорной стоянки судов. 2. Крупный парусник с прямым вооружением на всех мачтах, кроме бизани, несущей косые паруса. 3. Отверстие для пропуска якорной цепи. 5. Несгораемый минеральный остаток в топках. 7. Двурогая планка для крепления снастей. 8. Часть якоря. 9. Металлические или фанерные листы, волнообразно изогнутые для увеличения жёсткости. 10. Единица силы в системе мер CGS. 12. Тонкое рангоутное дерево для растягивания паруса на шлюпках. 14. Парусиновый навес для защиты верхней палубы от солнца и дождя. 15. Сильный порывистый холодный ветер, направленный вниз по горному склону. 16. Цистерна на наливном судне.

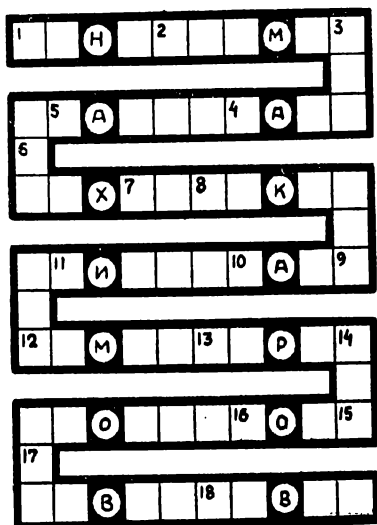
ВОТ ЭТО ДА!..

(Увидел А. ШИБАЕВ)

Посмотрите на административную карту СССР.

Скажите, какая автономная республика похожа своими очертаниями на этого коня?

ЧАЙНВОРД «МОРСКОЙ»

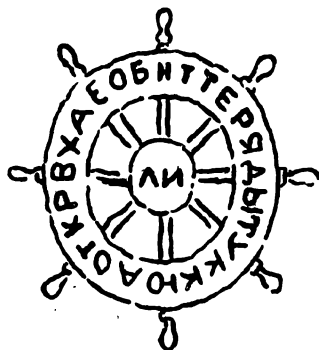

1. Сиденье на морских и речных шлюпках. 2. Угол между направлением северного конца компасной стрелки и направлением на наблюдаемый предмет. 3. Мера величины судов. 4. Особая книга на корабле для записи событий и происшествий. 5. Отверстие в палубе судна. 6. Устройство для крепления швартовов. 7. Верхняя оконечность вертикального рангоута. 8. Парусное или паровое судно, совершавшее в XIX веке регулярные рейсы между определёнными портами. 9. Лестница на корабле. 10. Узкая полоса воды между океанами, морями, озёрами. 11. Знак, ограждающий опасности на фарватере. 12. Испанское слово, означающее «флот», «эскадра» и ставшее нарицательным для соединений кораблей, плохо и вразброд выполняющих манёвры. 13. Работа всей команды на судне. 14. Мореходный прибор. 15. Нижний парус на гротмачте у судов с прямым вооружением. 16. Судно с двигателем внутреннего сгорания. 17. Полная грузоподъёмность гражданского судна. 18. Смазочное вещество.

ИЗОРЕПОРТАЖ С БОРТА ШХУНЫ «НАХОДКА»

Наши читатели уже немного знакомы со шхуной капитана Мореходова «Находка» и с её экипажем: мы получаем время от времени известия об удивительных приключениях на неведомой земле и добросовестно делимся ими с нашими читателями...

А недавно нам прислали зарисовки некоторых предметов на шхуне. Помещаем их здесь.

СОДЕРЖАНИЕ

Бриг «Мечта». Стихотворение Л. Куклина	1
Перламутровая раковина. Рассказ И. Дворкина	2
Молодые капитаны. Песня Б. Кравченко на слова В. Су-	
лова	16
Паруса «Крузенштерна». Стихотворение А. Городницкого .	17
Растут на Неве капитаны. Очерк В. Тареева	18
Моя раскладушка. Стихотворение Саши Боровского . . .	24
Сюрприз. Рассказ П. Белова	25
Ливень в горах. Стихотворение В. Кузнецова; На рыбалке.	
Стихотворение М. Головенчица	32
Вот это улов! Рассказ Н. Пилюцкого	33
Пушкин. Ивангород — Нарва. Стихотворения Л. Хаустова.	37
Планета новогодних ёлок. Продолжение повести Джанни	
Родари	38
Океан, корабли, мореходы. Статья Э. Миронова	50
Под парусами. Настольная игра	56
Про карасика. Стихотворение В. Фетисова	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «Свежий ветер».

На 2-й и 3-й страницах обложки фотоснимки к очерку В. Тареева «Растут на Неве капитаны».

На 4-й странице обложки рисунки художника Г. Ясинского «Этапы большого пути».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115
Телефон: А 2-87-55

Сдано в набор 14/V 1965 г.	Подписано к печати 28/VI	4 печ. л.
М-31254 Заказ № 776.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Окончание. Начало
на 2-й странице обложки

